

*Библиотека
журнала
«Вопросы образования»*

Academic Charisma and the Origins of the Research University

WILLIAM CLARK

Академическая харизма и истоки исследовательского университета

УИЛЬЯМ КЛАРК

Перевод с английского
МИХАИЛА РУДАКОВА
под научной редакцией
МАРИИ ДОБРЯКОВОЙ

Издательский дом
Высшей школы экономики
МОСКВА, 2017

УДК 378
ББК 74.58
К47

Редакционный совет серии

ЯРОСЛАВ КУЗЬМИНОВ, ИСАК ФРУМИН,
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ, ЕЛЕНА ПЕНСКАЯ,
МАРИЯ ЮДКЕВИЧ, СЕРГЕЙ ФИЛОНОВИЧ,
ЛЕВ ЛЮБИМОВ, АЛЕКСАНДР СИДОРКИН,
ДАНИИЛ АЛЕКСАНДРОВ, ВИКТОР БОЛОТОВ

Дизайн серии

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Научный редактор перевода

МАРИЯ ДОБРЯКОВА

Перевод книги: *William Clark. Academic Charisma and the Origins of the Research University*

Licensed by The University of Chicago Press, Chicago, Illinois, U.S.A.

На обложке — картина итальянского художника Лаврентиуса Волтолины (Laurentius de Voltolina. Liber ethicorum des Henricus de Alemannia), Болонья, вторая половина XIV века
<https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Laurentius_de_Voltolina_001.jpg>

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<<http://id.hse.ru>>

doi:10.17323/978-5-7598-1219-7

ISBN 978-5-7598-1219-7 (рус.: в пер.)
ISBN 978-5-7598-1665-2 (рус.: e-book)
ISBN 9780226109213 (англ.)

© 2006 by The University of Chicago
All rights reserved.
© Перевод на русский язык.
Издательский дом Высшей школы
экономики, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Список иллюстраций 9

Мария Добрякова

Вступительное слово 12

Выражение благодарности 14

ПРОЛОГ 17

1. ХАРИЗМА И РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ 19

Аналитическая концепция 20

Эмпирическая база 43

Структура книги 53

ЧАСТЬ I

ТРАДИЦИЯ, РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ, ХАРИЗМА:
О ГОСПОДСТВЕ АВТОРА И ЧИТАЕМОГО 55

2. КАТАЛОГ КУРСОВ ЛЕКЦИЙ 57

Торжественные шествия 57

Канцелярская работа 77

Публичность 95

Заключение 104

3. ЛЕКЦИЯ И ДИСПУТ 106

Средневековый режим 107

Порядок в эпоху раннего Нового времени 121

Заключение 136

4. ЭКЗАМЕН 138

Устные экзамены 141

Письменный экзамен 163

Заключение 197

5. НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СЕМИНАР 199

Из колледжа в общество 202

Семинары 222

Заключение 253

6. ДОКТОР ФИЛОСОФИИ 257

Доктор философии

как произведение искусства 259

	Докторская диссертация как научно-исследовательская работа	297
	Заключение	328
7.	НАЗНАЧЕНИЕ ПРОФЕССОРА	331
	Профессора и канцелярская работа	332
	Назначения в Пруссии	348
	Баварские досье	396
	Заключение	402
8.	БИБЛИОТЕЧНЫЙ КАТАЛОГ	406
	Библиотека барокко	407
	Bibliotheca universalis	416
	Библиотека Просвещения	424
	Bibliotheca virtualis	438
	Романтическая библиотека	443
	Заключение	455
ЧАСТЬ II		
НАРРАТИВ, БЕСЕДА, РЕПУТАЦИЯ: О НЕОТВРАТИМОСТИ ГОЛОСА И УСТНОЙ РЕЧИ 457		
9.	АКАДЕМИЧЕСКИЕ ПЕРЕСУДЫ И МИНИСТЕРСКИЕ ИНТРИГИ	459
	Инспекция начала Нового времени	461
	Вольфенбюттельская анкета (1597)	466
	Журнал Ваккьери (1784)	476
	Табель Бургсдорфа (1789)	486
	Заключение	500
10.	МИНИСТЕРСКИЕ «СЛУШАНИЯ» И ТОВАРИЗАЦИЯ РАБОТНИКОВ НАУКИ	503
	Гёттингенский университет и менеджерский капитализм	508
	«Слушание» Гедике как нарратив	513
	Bildungsreise	529
	Заключение	533
11.	АКАДЕМИЧЕСКИЕ ГОЛОСА И ПРИЗРАК В МАШИНЕ	534
	Империя глаза / Я	539
	Софистика	544
	Vox populo	547

Ex cathedra	549
Академический хор	551
Признание и студенчество	553
Слухи (Fama)	554
Сплетни	557
Беседа	562
Письма, журналы, романы	566
Конференции	568
Интервью	573
Ars erotica linguae	575
Современные призраки	577

ЭПИЛОГ 579

12. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

И НЕ ТОЛЬКО	581
Иезуиты	582
Старорежимная, революционная и наполеоновская Франция	584
Пруссия, немецкая академическая система и романтизм	588
Романтические идеологии и Берлинский университет	591
До революции	596
Немецкий колосс и «маленькие великаны»	599
Австрия и колосс	603
От георгианской — к викторианской Англии	604
Посленаполеоновская Франция и немецкая проблема	613
Появление исследовательского университета в Соединенных Штатах	617
«Wissenschaft als beruf» (1919)	619
Принцип Гарнака и культ директора	622
«Надо будет взять вас в мой центр»	628
Философ в маске	633

ПРИЛОЖЕНИЯ 635

Приложение 1	637
Приложение 2	638

Приложение 3 647

Приложение 4 657

Приложение 5 661

Приложение 6 671

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 678

БИБЛИОГРАФИЯ 680

Список иллюстраций

Рис. 1.1. Университетская лекция, из: Sebastian Münster, <i>Cosmographie; das ist/Beschreibung Aller Länder...</i> , Basel, 1598 [1592]	21
Рис. 1.2. Колледж Corpus Christi, Оксфорд, из: David Loggan, <i>Oxonia illustrata</i> , Oxford, 1675	46
Рис. 1.3. Иезуитская коллегия, Мюнхен, из: Matthäus Merian, <i>Topographia Germaniae</i>	49
Рис. 2.1. Иерархия академических званий и костюмов, Кембриджский университет, из: David Loggan, <i>Cantabrigia illustrata</i> , Cambridge, 1694	59
Рис. 2.2. <i>Catalogus Professorum</i> , Базельский университет, 1690–1691	62
Рис. 2.3. <i>Catalogus Professorum</i> , Базельский университет, 1712–1713	63
Рис. 2.4. <i>Professorenzettel</i> (профессорская ведомость) Михаэля Мэстлина, Тюбингенский университет, 1607	83
Рис. 2.5. <i>Professorenzettel</i> (профессорская ведомость) Андреаса Осиандера, Тюбингенский университет, 1607	83
Рис. 2.6. <i>Vorlesungsverzeichnis</i> , Берлинский университет, летний семестр 1822, с. 3	92
Рис. 2.7. <i>Vorlesungsverzeichnis</i> , Берлинский университет, летний семестр 1822, с. 4	93
Рис. 2.8. <i>Index lectionum</i> , Берлинский университет, летний семестр 1821, с. 12	102
Рис. 2.9. <i>Index lectionum</i> , Берлинский университет, летний семестр 1821, с. 15	103
Рис. 3.1. Изображение аудитории Хайнриха Немца работы Лаурентинуса де Волтолина	109
Рис. 3.2. Титульная страница Johann M. Meÿfart, <i>Christliche und aus trewen Herzen wolgemeinte auch demütige Erinnerung von der Erbauung und Fortsetzung der Academischen Disciplin auffden Evangelischen Hohen Schulen in Deutschland...</i> , Erfurt, 1636	117
Рис. 3.3. Зал лекций и диспутов в Collegium Illustre, Тюбингенский университет, 1626	118
Рис. 3.4. Изображение лекции и зала для диспутов XVII века, из: <i>Speculum Cornelianum</i> , 1879	131
Рис. 4.1. Устные экзамены на докторскую степень с последующим празднованием, Йенский университет, ок. 1740	139

Рис. 4.2. Ученый или факультетский совет, выносящий решение об отстранении от занятий стоящего перед ним студента сроком на три года, Йенский университет, ок. 1740	145
Рис. 4.3. Устные экзамены, Тюбингенский университет, 1770	145
Рис. 4.4. Типовая аттестационная табель графства Вальдек, 1704	173
Рис. 4.5. Типовая аттестационная табель для Вюртемберга, 1729	174
Рис. 4.6. Оценки, проставленные Ф.А. Вольфом студентам семинара, Университет Галле, 1805	184
Рис. 4.7. Оценки, проставленные Ф.А. Вольфом студентам семинара, Университет Галле, 1806	185
Рис. 4.8. Р.В. Басс. «Экзамен кандидатов на получение ученой степени бакалавра гуманитарных наук»	193
Рис. 4.9. Устный экзамен на юридическом факультете, Тюбингенский университет, ок. 1850	196
Рис. 5.1. Неофициальный диспут в Collegium Sapientiae, Фрайбургский университет, ок. 1497	203
Рис. 5.2. Закрытый диспут в Collegium Sapientiae, Фрайбургский университет, ок. 1497	204
Рис. 5.3. Трапезная (столовая) в Collegium Illustre, Тюбингенский университет, ок. 1625	209
Рис. 5.4. Коллегия в доме Юлиуса А. Хепфнера, лектора юридического факультета Гиссенского университета, ок. 1764	218
Рис. 5.5. Ludwig E. Grimm, “Vorlesung in der Wohnung an der Allee in Göttingen”, 28.05.1830	219
Рис. 6.1. Титульная страница Johann Stier, <i>Praecepta metaphysicae</i> , Erfurt, 1641	290
Рис. 6.2. Титульная страница диссертации Friederic W. Bierling (praeses), <i>De causis cur nonnulli eruditi nihil in lucem emiserint</i> , Rinteln, 1702	291
Рис. 6.3. Титульная страница диссертации Johann C. Tschanter (resp. et auct.), <i>De eruditis studiorum intemperie mortem sibi accelerantibus, dissertatio I, eaque historica</i> , Leipzig, 1704	294
Рис. 6.4. Титульная страница Johann C. Tschanter (praeses), <i>De eruditis studiorum intemperie mortem sibi accelerantibus, dissertatio II, eaque physica</i> , Leipzig, 1705	294

Рис. 6.5. Титульная страница диссертации Gottlob Matthaeus (auct. & resp.), <i>Dissertatio historico-moralis de malis eruditorum uxoribus, (vulgo) von den bösen Weibern der Gelehrten</i> , Leipzig, 1705	302
Рис. 6.6. Титульная страница диссертации Matthaeus G. Schroeder (praeses) <i>Dissertatio historico-moralis de misogynia eruditorum, von übelgesinnten Gelehrten gegen das weibliche Geschlecht</i> , Leipzig, 1717	302
Рис. 6.7. Фридрих Ричль, рисунок работы Адольфа Нойманна, из: Otto Ribbeck <i>Friedrich Wilhelm Ritschl</i>	322
Рис. 6.8. Титульная страница Friedrich Ritschl, <i>Schedae criticae...</i> , Diss. phil., Halle, 1829	326
Рис. 6.9. «Sententiae Controversae», из: Friedrich Ritschl, <i>Schedae criticae...</i> , Diss. phil., Halle, 1829	327
Рис. 7.1. Ludwig E. Grimm, “Thee Schlapps, Mittwoch Abend beim Blumenbach”, circa 1830	333
Рис. 7.2. Письмо от ректора и ученого совета Кёнигсбергского университета в министерство, 1670	362
Рис. 7.3. Рекомендательное письмо Лейбница Кристиану Вольфу, 1706	372
Рис. 7.4. Рекомендательное письмо Лейбница Кристиану Вольфу, 1706	373
Рис. 8.1. Библиотека, Альтдорфский университет из: Johann G. Puschner, <i>Amoenitates Altdorfinae</i> , Nuremberg, ок. 1710–1720	409
Рис. 8.2. Библиотека, Гёттингенский университет. Georg D. Neumann, <i>Wahre Abbildung der Kongl. Groß-Britan. u. Churfürstl. Braunschweigisch-Lüneburgische Stadt Göttingen</i> , Göttingen, 1747	425
Рис. 8.3. План-схема этажа библиотеки, Гёттингенский университет	434
Рис. 8.4. Пояснения к плану-схеме этажа библиотеки, Гёттингенский университет	435

Вступительное слово

Перед вами — добротнейшее и увлекательнейшее чтение о формировании академической профессии в современном исследовательском университете: автор показывает, как, начиная с эпохи позднего Средневековья, в ответ на действие рыночных сил и растущее бюрократическое давление министерств, формировался главный принцип нынешней академической жизни — «публикуйся или исчезни».

Одновременно эта книга — весьма примечательный образец социологического исследования на основе архивных материалов. Разбирая материальные практики раннего университета — учебные планы и порядок перечисления профессоров в списках лекций, правила рассаживания в аудитории, Кларк реконструирует социальные отношения, формальные и неформальные иерархии, которым подчинялся университетский уклад. Он прослеживает корни и описывает эволюцию таких современных академических форм, как система оценивания, устные и письменные экзамены, исследовательский семинар, защита диссертации и ученая степень «доктора философии», каталог учебных курсов, демонстрируя рационализацию академической жизни и постепенное вытеснение устной культуры — письменной («триумф глаза над ухом»).

Основной акцент — на периоде с 1770 по 1830 г. Кларк противопоставляет два академических мира: университеты протестантских земель Германии — источник академических перемен, и «Оксбридж» — оплот традиционализма. Однако фактически его анализ охватывает почти шесть веков и затрагивает также и некоторые другие страны. Обилие исторических примеров — от разбора оценочных ведомостей до деятельности министерских чиновников — порой делает эту книгу похожей на лабиринт с не вполне очевидными внутренними связями, но ближе к концу элементы мозаики собираются в единую картину: историю возникновения немецкой модели исследовательского университета.

Наверное, цифровой мир перевернет (уже переворачивает) эту модель, меняя само понимание границ и миссии университета — начиная с простого вопроса о том, чему и как учить. Однако академические традиции, вызревавшие на протяжении нескольких веков, едва ли исчезнут в одночасье, и понимание их истоков как раз поможет прогнозировать их дальнейшее развитие.

В Высшей школе экономики есть лаборатория «Развитие университетов». Она начиналась в 2009 году с совместного со

студентами чтения и разбора текстов об университетах и высшем образовании — Генри Розовски, Кларк Керр, Ортега-и-Гассет и др. Несколько дней назад трагически погиб руководитель лаборатории, Дима Семенов. Ему был 31 год. Мы вместе с ним читали первые тексты для семинара. И с языка само срывается: «Дима, эту книгу о харизме тоже надо включить в список для семинара!».

Мария Добрякова, научный редактор перевода

21 августа 2017 года

Выражение благодарности

Джеффри Александер, Амос Функенштейн, Роберт Вестман и Н. Нортона Вайз поддерживали меня и мои начинания. Вдобавок к неизменной помощи с их стороны, хочу также отметить поддержку, которую я и моя работа обрели в лице Джейн Каплан, Лорейн Дэстон, Ника Джардина, Питера Райля, Ханса-Йорга Райнбергера, Дэвида Сэбиана, Саймона Шеффера и Рудольфа Верхауса, как и следующих институтов: Брин-Мор колледж, Общество гуманитарных наук Колумбийского университета, Институт истории Общества Макса Планка в Гёттингене и Институт истории науки Общества Макса Планка в Берлине. Интеллектуальная поддержка исходила от Питера Беккера, Ханса Эриха Бодекера, Марины Фраска-Спады, Хейдрун Фрисе, Мартина Гирля, Михаэля Хагнера, Эрнста Хамма, Анке те Хеезен, Клауса Хентшеля, Изабель Хулль и Улинки Рублак. Дэвид Сэбиан прочел и прокомментировал предпоследнюю редакцию работы, а Саймон Шеффер и Ник Джардин — предпоследнюю. Кэтрин Райс провела ее последнюю редакцию, а Мара Населли — корректуру и литературную правку.

Главу 1 прочел и прокомментировал Саймон Верретт.

Главу 2 — Аликс Купер. Это обновленная версия работы «*Parades académiques: Contribution a l'économie politique des livrets universitaires / transl. by M. Aujollet // Actes de la recherche en sciences sociales. 2000 (December). Vol. 135. P. 6–24, с учетом материалов семинара «Inconscients académiques», организованного Пьером Бурдые, Оливье Кристином и Францем Шультейсем 3–4 декабря 1999 г. в Университете Нойшателя.*

Глава 3 была прочитана и откомментирована Мартином Гирлем.

Глава 4 — Джейн Каплан и Джоном Гаскойном. Эта переработка «О застольных манерах университетского экзамена» (*On the Table Manners of Academic Examination // Wissenschaft als kulturelle Praxis / ed. by H.E. Bödeker, P. Reill, J. Schlumbohm. Vandenhoeck & Ruprecht, 1999. P. 33–67*) на основе доклада на семинаре «*Wissenschaft als kulturelle Praxis*», организованном в честь Рудольфа Фирхауса 13–15 ноября 1997 г. в Институте истории Общества Макса Планка в Гёттингене.

Главу 5 читали и комментировали Питер Райль и Мэри Терролл. Это новая редакция моей работы: *On the Dialectical Origins of the Research Seminar // History of Science. 1989. Vol. 27. P. 111–154.*

Глава 6 — переработка статьи «Об иронических представителях титула “доктор философии”» (*On the Ironic Specimen of the*

Doctor of Philosophy // *Science in Context*. 1992. Vol. 5. P. 91–137) на основе моей диссертации.

Главу 7 читали и комментировали Питер Беккер и Андрэ Уэйкфилд. Это новая редакция работы «О министерском архиве академических актов» (*On the Ministerial Archive of Academic Acts // Science in Context*. 1996. Vol. 9/4. P. 421–486) на основе доклада на семинаре «The Prose of Objectivity», организованном мной и П. Беккером 16–20 августа 1994 г. в Академии Лессинга в Вольфенбюттеле.

Главу 8 читали и комментировали Марина Фраска-Спада и Ник Джардин. Это новая редакция работы «О бюрократических сюжетах в научной библиотеке» (*On the Bureaucratic Plots of the Research Library // History of the Book / History of the Sciences / ed. by M. Frasca-Spada, N. Jardine. Cambridge University Press, 2000. P. 190–206*).

Главу 9 читала Изабель Халл, а главу 10 — Лизбет Раузинг и Ник Ховуд. Это переработка фрагментов статьи «О министерских реестрах академических инспекций» (*On the Ministerial Registers of Academic Visitations // Little Tools of Knowledge: Historical Essays in Academic and Bureaucratic Practices / ed. by P. Becker, W. Clark. University of Michigan Press, 2001. P. 95–140*) по итогам обсуждения на семинаре «The Rhetoric of Bureaucratic & Academic Prose», организованного Дэвидом Сэбианом 13–14 мая 1994 г. в Библиотеке Кларка в Лос-Анджелесе.

Главу 11 читали и комментировали Лорейн Дэстон и Флоренс Вьенн. Это обновленный вариант работы «О голосах профессуры» (*On the Professorial Voice // Science in Context*. 2003. Vol. 16. No. 1/2. P. 43–57 / ed. by L. Dason, O. Sibum) на основе доклада на семинаре «The Persona of the Scientist», состоявшегося 4–6 июля 1999 г. в Институте истории науки Общества Макса Планка в Берлине. Я благодарен Флоренс за то, что она поделилась со мной аудиозаписями лекций Мишеля Фуко в Коллеж-де-Франс.

Главу 12 читали и комментировали Саймон Верретт и Михаэль Хагнер.

4 апреля 2005 года, Сан-Маркос, Калифорния
www.academiccharisma.net

«О, не слишком ли много! Но, дорогой Сатана, заклинаю вас: поменьше раздраженья в зрачках! И в ожидании каких-либо запоздавших маленьких мерзостей вам, который любит в писателе отсутствие дара описывать и наставлять, вам подношу я несколько гнусных листков, вырванных из блокнота того, кто был проклят».

Артур Рембо. *Одно лето в аду*

ПРОЛОГ

1. ХАРИЗМА И РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ

Сюжет этой книги может показаться странным. В ней рассматривается эволюция ученого: от средневековых форм до современных инкарнаций. Последние как раз и населяют нынешние исследовательские университеты, а книга посвящена тому, чтобы разобраться в истоках появления таких университетов. Для этого мы изучим ключевые механизмы, приводящие к рационализации современного мира и его пресловутому «расколдованию», — бюрократизацию и превращение в товар. В современном мире видимое и рациональное восторжествовало над устным и традиционным. Однако в хитросплетениях истории (или иных лабиринтах) этот столь хорошо нам знакомый рациональный академический мир пощадил академическую харизму.

Мы рассмотрим период от эпохи Возрождения до эпохи романтизма, подробно остановимся на временном отрезке с 1770-х по 1830-е годы. Исследовательский университет зародился на протестантских землях Германии, откуда в XIX и XX веках распространился по всему миру. Следовательно, история немецкой академии — основной источник материалов для нашего исследования, с которым весьма любопытно сопоставить английскую и иезуитскую академическую культуру. В книге на микроуровне анализируются академические обычаи и практики — искренне и всерьез, а не в угоду постмодернистской критике большого исторического нарратива (о чем я планирую рассказать, в первую очередь, применительно к протестантской этике).

Исследовательский университет зародился в ходе той трансформации, какую претерпели академические нравы под влиянием министерств и рынков. Германские министры и владыки рынка, как они это себе представляли, работали над модернизацией отсталых работников науки. Плодом их усилий, выразившихся в бюрократизации и меркантилизации академической практики, и стал исследовательский университет.

В немецкой протестантской традиции для получения той или иной должности научный сотрудник был обязан пройти освидетельствование на предмет соответствия бюрократическим либо иным рациональным критериям назначения, включавшим частоту публикаций, усердие в преподавании, политическую благонадежность и бытовую добропорядочность. Однако для достижения успеха надлежало также прославиться, прослыть модным и демонстрировать «оригинальность», а подчас — гениальность в своих трудах. Демонстрация талантов такого рода теперь ожидалась от ученого, вынужденного писать ради «аплодисментов»

и «признания». Современный образ ученого возник, как я покажу, в ходе культивирования этих новых и вполне осязаемых качеств. Причем несмотря на господство письменного труда в научном сообществе, отдельные аспекты традиционной устной культуры все же сохранялись и, среди прочих, играли важную роль в создании репутации.

Теперь немного об анализируемых здесь временных периодах. Обычно под «ранним Новым временем» историки понимают временной отрезок примерно с 1450/1500 по 1780/1800 — включающий эпоху Возрождения, барокко и Просвещения. Традиционно начало Нового времени как такового* историки связывают с французской революцией (1789) и эпохой романтизма. Наша книга обращается к кардинальной трансформации академической харизмы и постепенному появлению исследовательского университета в период с эпохи Возрождения по эпоху романтизма. Ключевым, как уже отмечено, был временной отрезок с 1770-х по 1830-е годы, то есть позднее Просвещение и эпоха романтизма, начало собственно современной эпохи.

Я буду использовать термин «традиционный» в противовес «современному» для сопоставления двух академических режимов или порядков. Современным станем считать исследовательский университет. Традиционным — то, что ему предшествовало и что все еще в той или иной форме и в том или ином месте продолжает существовать. Я использую эти термины в ключе сугубо описательном. Никакого упрощенного противопоставления современного и традиционного не предполагается. Элементы традиционной академической практики сохраняются и в современных академических институтах, например, в виде голосования при назначении на преподавательскую должность или использования личных связей для достижения тех или иных академических целей, законных и не вполне.

В завершающей части главы мы рассмотрим аналитическую концепцию книги, ее эмпирическую базу и, наконец, структуру, по главам и разделам.

АНАЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Материальные практики

В знаменитой работе Себастьяна Мюнстера — XVI век — есть иллюстрация (см. рис. 1.1). Эта иллюстрация приводится в работе по меньшей мере дважды применительно к двум различным

* Имеется в виду западная научная традиция, согласно которой Новое время делится на ранний и поздний период, при этом разделительной отметкой служит французская революция. — *Примеч. пер.*

Рис. 1.1.
 Университетская лекция, из:
 Sebastian Münster,
Cosmographie;
das ist/
Beschreibung Aller
Länder..., Basel,
 1598 [1592]

университетам. Изображаемая сцена, стало быть, предлагает некое обобщение, а не моментальный снимок какой-то особенной лекции. Характер окон и стен подсказывают, что лекция проходит в замке или церкви, тогда как у европейского научного сообщества могла быть, метафорически, лишь одна башня — из слоновой кости. В сущности, университетская архитектура изначально была церковной — и остается таковой для университетов с ностальгией и надлежащим для ее поддержания притоком средств. Напрашивается вывод: академическому пространству присущи скорее духовные коннотации, нежели светские. И, пусть и относительно небольшое, пространство это не сулит особенной теплоты.

Лектора мы видим на *cathedra*, кресле. Отсюда — и понятие профессорской кафедры. Кафедра изначально устанавливалась там, где восседал для ведения проповеди епископ. Церковь с такой кафедрой стала, волей синекдохи, «кафедральной». Позднее каноники, то есть высокопоставленные священники при кафедральных соборах и других церквях, также занимали то, что называлось кафедра или престол. Оттуда же она перешла к профессорам, ибо первоначально, в Средние века, средства на профессорскую деятельность выделялись из бенефиций, предназначенных для каноников.

Обратимся к рисунку. Профессор сидит на престоле, символизирующем его профессорскую кафедру. По книге он читает лек-

цию восьми студентам, среди которых — и явно вышедшие из юного возраста. Лишь у профессорского кресла есть спинка. Студенты же сидят на простых скамьях. Те, кому повезло, могут опереться о стену. Кажется, лишь один из них приготовился конспектировать лекцию. Другие смотрят кто на бумаги, кто в книгу...

Нас будут интересовать материальные практики, как, например, та, что проиллюстрирована рис. 1.1, связанные с зарождением исследовательского университета и трансформацией академической харизмы. Чем облик и атмосфера лекционного зала отличаются от тех, что мы встретим в аудитории для семинарских занятий? Когда именно, если это вообще имело место, немецкие профессора обратились к семинарской форме ведения занятий — то есть к диалогу со студентами? Всегда ли они проводили магистерские и докторские экзамены, сидя за столами? Каким образом в традицию вошли такие академические парты? Когда студенты начали записывать что-то на лекциях и вообще что-то писать в ходе обучения? Когда появились письменные экзамены? А первые эссе к семинарским занятиям?

Интерес к материальным практикам академической жизни возник еще в рамках немецкой школы «историзма» *Kulturgeschichte* XIX века, если не раньше. Впоследствии интерес к «материальной культуре» — первоначально сформулированный антропологами и археологами — распространился и на академическую сферу. Работы Мишеля Фуко, Джека Гуди и Бруно Латура, среди прочих, явили собой попытки пролить свет на эпистемологические практики с точки зрения их материальных основ. Мы с Питером Беккером для обозначения подобного рода исследований¹ использовали понятие «малый инструментарий знания».

Материальные практики будут рассматриваться в последующих главах именно в этом свете. Трансформация академической харизмы состоялась благодаря арсеналу малого инструментария — каталогов, уставов, таблиц, отчетов, анкет, досье и так далее. Все эти вещи включают нынешний — светский, бюрократический — репертуар делопроизводства, канцелярской работы, а власть современных академических кругов в изрядной степени зиждется на этих бумажках. Как писал Фуко, «...составление таблиц было одной из величайших проблем научной, политической и экономической технологии XVIII века... Таблица XVIII века одновременно являлась технологией власти и процедурой познания»².

Многое можно узнать из материальных практик академического сообщества: о природе академической работы расскажет

¹ [Goody 1977; 1986; Foucault 1975; Latour 1987; 1990; Becker, Clark 2001].

² [Foucault 1975, 150].

трансформация учебного плана, о формировании научной библиотеки — баталии по поводу ее каталогизации, о меркантилизации работников науки — таблицы с их рейтингами, о порядке назначения преподавателей — порядок оформления документации, об ученой степени доктора философии — иконография титульных страниц диссертаций, а о природе экзаменов — сама природа экзаменационных табелей, как, впрочем, и экзаменационных столов.

Современная метафизика

Традиционно считалось — начиная по крайней мере с «Философии истории» Гегеля, — что основная полемика Средних веков велась меж церковью и государством, тогда как диалектичность Нового времени заключалась в противостоянии государства и общества, в полемике общественного и частного. Последние два термина, безусловно, перенасыщены историческим содержанием, однако обойтись без них невозможно.

Благодаря нашумевшей работе Маркса «К еврейскому вопросу» (*Zur Judenfrage*) различие, проводимое сегодня между общественным и частным, в сравнении с традиционным противопоставлением церкви и государства приобрело наиболее пикантную формулировку. Как он считал, политическая эмансипация религиозных меньшинств стала возможной в Европе потому, что религия перешла из общественной сферы государства в частную сферу гражданского общества. Вследствие такого смещения научный и академический миры утратили свои церковные или теологические основы. Профессор и ученый теперь могут интересоваться религией лишь в частном порядке, а не по долгу службы. Профессор и ученый отныне превратились в беспристрастных профессионалов. В этом смысле в эпоху Просвещения академический мир впервые утратил теологическую, трансцендентальную миссию³.

В современной метафизике научного исследования холодный, объективный, ратующий за меритократию профессионал подчиняет себе страстно увлекающегося, открытого коллегам, не чуждого протекционизму, старомодного ученого в традиционном понимании. Подобное шизофреническое раздвоение личности нередко необходимо современным специалистам. По мнению Макса Вебера, того требовали законы развития и бюрократии, и капитализма.

Бюрократия, в совершенной своей форме, в определенном смысле подчиняется принципу *sine ira ac studio* [без гнева либо пристрастия]. Эта ее особенность весьма на руку капитализму и оттачива-

³ Маркс в [Marx, Engels 1966, 1: 35–60]. См. также [Funkenstein 1986].

ется сама по себе тем более, чем более ей удастся процесс «дегуманизации», то есть чем более расцветает ее характерная особенность, возводимая в статус добродетели: способность устранить любовь, ненависть, все сугубо политические мотивы и, главное, всякую иррациональную эмоциональность и оставить одни лишь беспримесные калькуляции... На место личного интереса, чувств покровительства, благосклонности и благодарности, каковым подчинялись правители прежней [традиционной] культуры, современная культура — по мере того как она становится все более сложной и специализированной — требует эксперта, «объективного» и лично незаинтересованного («*sachlichen*» *Fachmann*)⁴.

Введенное современной бюрократией различие, при котором один и тот же ученый может представлять в двух независимых ипостасях — как профессиональный эксперт и публичная фигура, с одной стороны, и как любитель, имеющий частные интересы и увлечения, с другой, — коренится в различении рабочего места и дома. Это различие, как правило, отсутствует в традиционных обществах и группах, где nepотизм, взяточничество, жульничество и другие нарушения в сфере делового пространства, несовместимые с современными бюрократическими и академическими режимами, являются привычным укладом жизни.

В этом смысле многие сообщества, образованные в американских университетах, напоминают традиционные группы. Студенческая культура долго сопротивлялась — и все еще сопротивляется — разделению личности и пространства на общественную и частную ипостаси, и это легко объяснимо, ведь большинство студентов занимаются и любовью, и штудиями в одной и той же комнате. Поэтому каждому новому поколению приходится навязывать эту форму шизофрении. Те, кто работает дома, включая ученых-гуманитариев, не привязанных к рабочему месту со специальным оборудованием, неизменно оказываются во власти архаичной модели поведения, не отчуждая себя от своей работы. Распространение лабораторий в XIX веке и их массовое шествие в XX веке отчасти помогли ученым справиться с проблемой отделения рабочего места от дома.

Марксисты называли это «отчужденным трудом»: когда кто-либо находится дома, он не работает; когда же работает, то он определенно не находится дома. В отчужденном труде было много хорошего, в том числе и меритократические практики, открывшие дискриминируемым в Европе группам — в особенности женщинам и евреям — доступ в мир науки. Впрочем, бюрократическая и предпринимательская логика, лежавшая в основе

⁴ [Weber 1976a, 563 (1956, 571)].

подобного отчуждения и рационализации академической жизни (превращая ее, скорее, в академический труд, но не жизнь — последняя становилась теперь делом сугубо личным), подчинялась вовсе не морали эгалитаризма и не ставила задачей интегрировать социально исключенные группы населения. Немецкий управленческий, или бюрократический капитализм, функционирующий по «Протестантской этике», имел другие цели в современной метафизике служебного присутствия и формирования профессионалов, породивших исследовательский университет и новую академическую харизму.

Однако вернемся к Гегелю. Одна из целей нашей книги состоит в разъяснении трансформации традиционного или средневекового юридико-экклезиастического академического мира в современную политико-экономическую систему исследовательской деятельности. Юридико-экклезиастическая ментальность отражает общество, в котором доминируют церковь и государство; политико-экономическая ментальность — ту, в которой доминируют государство и общество, общественное и частное. Многие последующие главы, как видим, имеют двоякую цель.

Во-первых, изучить — первоначально юридико-экклезиастические — представления об академической жизни и практиках научного сообщества: традиционно учеными становились теологи либо правоведы. В этих представлениях общественное и частное не разделялось. Во-вторых, разобраться, каким же образом академические практики вплелись в нынешний политико-экономический мир: общественное отделилось от частного, исследование стало служебным долгом, а nepотизм и покровительство сменились оценкой реальных заслуг.

Политико-экономический (или же «камералистский») мир — это мир правительств и рынков. Исследование перебирается в служебный кабинет, но, так сказать, с видом на рынок. При традиционном юридико-теологическом порядке харизма была неотъемлемым свойством академической жизни. При современном политико-экономическом режиме академическая харизма присуща скорее определенным видам деятельности, облюбованным рынком.

Традиция и рационализация

В своем исследовании мы воспользуемся представлением Вебера о трех типах легитимного господства: харизматическом, традиционном и рациональном. Немецкое слово *Herrschaft* Вебер определяет в одном месте как эквивалент образованного от латинского корня понятия *Auctorität* (авторитет). Обычно, говоря по-английски о трех типах легитимного господства, следу-

ют именно такому веберовскому определению, хотя немецкое *Herrschaft*, эквивалентом которому на староанглийском будет *Lordship*, более точно переводится как владение. В основном я буду придерживаться обычной практики и говорить далее о легитимном господстве. Но часто буду сводить понятия к следующим существительным: харизма, традиция и — вместо рациональности — рационализация. В нашей аналитической модели эти понятия помогут прояснить, как ученые Средневековья и раннего Нового времени стали «современными»⁵.

В данном разделе мы в общих чертах проанализируем традицию и рационализацию, а затем — рассмотрим последние более подробно применительно к нескольким историческим примерам из немецкой практики. Значительная часть книги будет посвящена анализу юридино-экклезиастического академического порядка как режима, легитимированного традиционной властью, в то время как политико-экономический режим современных исследований легитимирует себя посредством власти рациональной — то есть, скорее, рационализирует себя. Следующий раздел будет посвящен теме харизмы и ее сохранению в современном научном мире.

В качестве парадигмы традиционного авторитета можно рассмотреть группы, чья структура, несмотря на множество комплексных связей, все же сродни семейной. Далее мы покажем, что академические факультеты и колледжи раннего Нового времени — так же как ремесленные кланы и гильдии, — опирались на структуры семейные. Коллегиальные обычаи и уклад — практики и институты — университетских факультетов и колледжей олицетворяли традиционный авторитет. Так, в начале Нового времени при назначениях на академические должности были широко распространены nepoтизм, покровительство, подношения, принцип старшинства и прочие им подобные клановые практики — хотя основной практикой, в отличие от принятой в сугубо семейных отношениях, считалось голосование.

Ученые обычно получали должность в результате голосования членов факультета, колледжа или же иной группы избирателей. Голосование демонстрировало коллегиальность волеизъявления представителей учреждения. Сдобренное атрибутами традиционной власти, подобное волеизъявление — наглядное и легитимное — позволяло работнику науки с полным правом занимать должность, даже если она, по сути, была получена по протекции или же по принципу старшинства или за счет подношений — то есть согласно совершенно традиционным академическим обычаям в мире, где частное и общественное смешано.

⁵ См. [Weber 1976a, 122 ff (1956, особ. 122 ff)].

В этой книге будут описаны традиции, или обычаи, представителей научного сообщества эпохи раннего Нового времени, а затем показано, как правительства и рынки подталкивали их к рационализации — как бюрократические и предпринимательские интересы смогли изменить или подорвать традиционный авторитет факультетов и колледжей. На месте академических традиций реформаторы стремились установить «рациональный» авторитет министерств и рынков — для реализации их рационализаторской программы.

По словам Вебера, «бюрократическое управление означает господство (*Herrschaft*) посредством знания — и в этом состоит его специфическая фундаментальная особенность». Рационализация или рациональный авторитет заменяет простую волю традиционного авторитета на заявленное знание.

Бюрократия носит «рациональный» характер: правило, цель, средства, «объективная» (*sachliche*) незаинтересованность управляют ее поведением. Ее возникновение и распространение, таким образом, всюду возымело... «революционный» эффект — точно такой же, какой производит и марш Рационализма, в сущности, во всех сферах жизни.

Рационализация харизмы и формирование специалистов осуществляются не только лишь бюрократическими учреждениями.

По знанию — знанию специалиста и компетентностью в рамках избранной сферы — бюрократию обычно превосходит лишь прибыльщик, то есть капиталистический предприниматель. Это единственная действительно (по крайней мере относительно) устойчивая инстанция перед лицом неизбежности бюрократического рационального господства знания. Все другие инстанции неизбежно превращаются в массовые организации под бюрократическим управлением, совсем как массовое производство под управлением... высокоточных станков⁶.

Рационализация, реализуемая высокоточными станками бюрократии и капитализма, преобразовала академическую жизнь. Двумя основными двигателями рационализации стали правительство и рынок, а в их современной форме — государственная бюрократия и управленческий капитализм. Чтобы понять истоки исследовательского университета, свободного от романтизма и прочих нынешних идеологий, следует быть готовым к решительному пересмотру великого нарратива былых времен.

⁶ [Weber 1976a, 129 (первая цитата), 578 f (вторая цитата, выделение оригинала опущено), 129 (третья цитата, выделение оригинала опущено); (1956, 129, 586 f, 129)].

Министерство. Во всех главах книги мы неизменно будем обнаруживать, что к проектам по реформированию академической практики приложили руку министерства той или иной немецкой земли. Как уже отмечалось, министры стремились заменить собственной повесткой и — предположительно — рациональным авторитетом традиционный авторитет академического сообщества. Генезис фигуры современного исследователя отчасти обязан таким вот правительственным реформам. Совсем другое дело — распространение подобного типа бюрократической личности в иных национальных контекстах. В эпилоге мы рассмотрим эту тему, но, увы, ограничимся лишь наброском — бегло очертим ее контуры. Здесь же мы будем рассматривать министерскую или же бюрократическую ментальность, которая и руководила преобразованием академического сообщества Германии.

Для этого проследим, откуда взялись бюрократы — и как к весьма подходящему для того примеру обратим взгляд к земле Бранденбург-Пруссия, где правили Фридрих-Вильгельм и Фридрих Великий.

«Новый бюрократ» как социальный тип был выразительно представлен помощниками курфюрста Фридриха-Вильгельма и его ближайшего преемника. Эти неутомимые, безмерно самолюбивые люди вели свою игру с холодным расчетом. Они были ярыми взяточниками и безудержными стяжателями подачек и ценных подношений. Быть столь беспринципными, неусыпно подозрительными и пронырливыми карьеристами им приходилось, дабы удержаться на плаву в водовороте событий⁷.

Потому ясно: это были типичные для эпохи барокко придворные, традиционные аристократы, сродни современной мафии.

Фридрих-Вильгельм I и после него Фридрих Великий правили Бранденбург-Пруссией с 1713 по 1786 год. Они попытались превратить хладнокровных придворных карьеристов и взяточников всех мастей двух предыдущих правлений в просвещенных служащих государства. Прусские короли поставили меритократию выше аристократии именно в свете идеалов общественного служения.

В знаменитом указе 20 декабря 1722 года о Генеральной директории Пруссии в отношении государственных служащих говорилось: «Они должны быть талантливы, насколько это только возможно, реформатского либо лютеранского исповедания, преданны и честны, с широким кругозором, уметь разбираться в экономике и сами ею заниматься». Авторитет рациональности в то время уже витал в воздухе, и король стремился взрастить

⁷ [Rosenberg 1958, 73]. Подробнее о придворных эпохи барокко см. [Biagioli 1993].

в министрах умение проводить отличие между своей частной жизнью и интересами и общественными и служебными обязанностями — добиться чего было крайне трудно от аристократов⁸.

Фридрих Вильгельм I, так сказать, милитаризировал правительство. На ратном поле он бился за компетентность. Он предпочитал талантливых граждан из среднего класса бездарным представителям знати. В судебную систему, в то время действовавшую на основах патронажа и покровительства, он ввел понятие меритократии. В 1723 году для Генеральной директории он даже учредил присутственные часы, в течение четырех дней в неделю, для встреч министров. Летом они должны были быть «на работе» в семь утра, зимой — в восемь. Поддавшись их жалобам, смягчившись, монарх перенес начало рабочего времени на девять часов. При этом король не обозначил, в котором часу служба министров заканчивалась. Однако, учитывая его упоминания их обеда, подразумевалось, что обычно они работали лишь до часу или до двух пополудни.

Такое «присутствие» еще не являло собой рабочего места бюрократа, то есть специализированного и изолированного пространства, от которого частная жизнь и личные интересы удерживались бы на расстоянии. Министры обычно работали с королем в одной большой зале, причем каждое министерство или ведомство имело в своем распоряжении только отдельный стол — что являлось важнейшим орудием труда. Вышесказанное, с оговорками, «указывает на поворотный момент во внешнем положении высших должностных лиц. На место неполной занятости состоятельных джентльменов пришла профессия с фиксированным рабочим графиком»⁹.

Сын короля, Фридрих Великий, сказал: «Король — первый слуга государства». Однако его министры избрали обратный курс на аристократию, при котором различие между государственным и частным опять размывалось. Новый король, во всяком случае до 1760 года, не внимал советам камералистов — мы вскоре к ним обратимся — относительно меритократии при государственной службе.

После 1763 года сложилось две системы. Аристократическая, придворная, основывающаяся на связях, подношениях и фаворитизме — в основном для высших должностей, с одной стороны, — и буржуазная, основанная на экзаменовании, качестве работы и заслугах и предназначенная главным образом для средних и низших слоев бюрократии — с другой. Эта вторая система совпала с рационализаторскими веяниями в научном сообществе.

⁸ Цит. по: [Brandenburg-Prussia 1894–1936, 3: 577].

⁹ [Haussherr 1953, 13 (цитата); 12 ff]. Подробнее см. [Brandenburg-Prussia 1894–1936, 3: 582 f; Heinrich 1931, 11 f; Bleek 1972, 63 ff].

В Пруссии и других германских землях рационализация академической жизни прошла в русле бюрократизации и, как это было названо, устройства благочиния¹⁰.

Камералисты. Теоретиками рационализации были камералисты. То был немецкий аналог британских политэкономов или французских физиократов. «Камералист должен быть экономистом и экспертом в области поддержания правопорядка (благочиния)» *<policing>*, — говорил Иоганн Юсти, полагавший, что цель хорошего государственного управления состоит в содействии развитию «культуры провинций». Юсти и другие считали названную ими науку благочиния — *Policey-Wissenschaft*¹¹ — неотъемлемой составляющей камерализма.

По мысли Юсти, хорошее государственное управление преследует три цели: обучить граждан полезным искусствам, наукам и ремеслам, не допустить растраты ресурсов и воспрепятствовать тунеядству. Зонненфельс, австрийский камералист и теоретик «благочиния», говорил: «Науки представляют важнейшую часть образования, а потому становятся и объектом науки государственного управления». Прусский камералист Цинке соглашался с тем, что школы есть «в сущности, институты благочиния» *<Policey-Anstalt>*. Просвещение провинций (земель), следует считать, подразумевало надлежащее обустройство школ и учебных заведений, которые, несмотря на возможные оговорки, просвещенные камералисты и теоретики благочиния рассматривали как любую другую форму социального и экономического производства¹².

Юсти был Адамом Смитом учения о правопорядке *<police science>*, так что его взгляды на управление научным сообществом заслуживают внимания. Камерализм — как идеология — не только помогал объяснять происхождение исследовательского университета, но и исторически способствовал также закреплению и распространению в нем рациональных практик. Излагаемые ниже взгляды Юсти следуют общим принципам учения о правопорядке¹³.

¹⁰ О сказанном выше см. [Heinrich 1931, 13; Dorwart 1953, 189 ff; Rosenberg 1958, 160; Bleek 1972, 41, 69; Johnson 1975, 49 ff, 218 ff]; а также D. Willoweit в [Jeserich et al. 1983–1988, 1: 346 ff]; Jeserich см. [Ibid. 2: 304; Raeff 1983, 158 ff]; о бюрократии в целом см. [Weber 1976a, 551 ff (1956, 559 ff)].

¹¹ [Justi 1758, 2: 63 f] (цитата).

¹² См. [Justi 1760–1761, 1: 3 ff; 2: 73 ff; 1782, 3 ff, 10, 15 f, 56 f, 254 ff; Sonnenfels 1771–1777, 1: 132 (цитата); из Zincke 1742–1743, 1: 296 ff, 319 f, 322 (цитата)]; также см. [Darjes 1756, 397, 425 ff; Dithmar 1755, 154, 172; Förster 1771, 196 ff]; в целом [Small 1909; Brückner 1977, 229 ff; Stolleis 1988–1992, 1: 366 ff, особ. 374, 379 ff].

¹³ О следующих параграфах см. [Justi 1755, 1: 173 f, 184, 212 ff, 231 f, 290 ff; 1758, 1: 496; 2: 56, 63 f, 251, 263 f; 1760–1761, 1: 481 ff, 505 ff, 685 f, 698 ff; 2: 19 ff, 37 ff; 1782, 34 f, 43 ff, 59 f, 159 ff].

Как он считает, государство должно назначать инспекторов той или иной продукции, а также установить систему маркировки для указания качества продукции. Когда государство замечает, что некоторые продукты, включая и «академические», оказываются низкого качества, тогда должны учреждаться премии и выплаты, которые бы содействовали их усовершенствованию. Должны привлекаться и эксперты извне, «поскольку за деньги можно получить все что угодно», включая служителей науки (которых, в случае отсутствия, следует «изготовить»).

Хорошо слаженные инструменты поддержания правопорядка гарантируют, что государственная религия не подрывается, а за добросовестностью подданных осуществляется надзор. И важно регулирование в отношении праздников, которых не должно быть слишком много. Гильдии объявляются устаревшими группами. «Передовыми профессиями стали называть те, что впервые появились на “мануфактурах” и “фабриках” Нового времени». Гильдии (как университетские факультеты), ввиду причудливости своих церемоний, архаических методов производства и консерватизма, объявлялись неэффективными. Почти всегда звание мастера добывалось благодаря связям и присуждалось на основании создания «роскошных шедевров, никогда в обычной жизни не приходящих, а вовсе не на основании усердия и подлинного таланта». Однако рациональное государство не должно было пытаться управлять абсолютно всем.

Министры должны содействовать предпринимателям в их начинаниях. Хорошим примером в данном случае являются горные разработки. Суверен должен осуществлять надзор и за университетами, и за шахтами. Но для стимулирования развития горного дела требуется свободная горнодобывающая промышленность, позволяющая индивидам заниматься добычей ископаемых. Шахтеры, как и ученые, нуждаются в определенной свободе действия, а суверен должен уметь отстраняться от текущих забот добывающей промышленности, пусть вся отрасль при этом и работает под его покровительством.

Смысл университетов для Юсти и других камералистов состоит в том, чтобы сделать студентов полезными в будущем инструментами — служителями государства и добропорядочными гражданами. Если бы университеты имели целью лишь улучшить взаимопонимание граждан и расширение их кругозора, тогда бы они — будучи институтами со столь малой пользой для государства и всеобщего блага — просто не потребовали бы государственного финансирования. Наука государственного обустройства рекомендует министрам искоренять педантичность. Профессоров, преподающих в государственных учебных заведениях, надлежит выбирать из лучших и наиболее извест-

ных, причем не с оглядкой на связи и взятки, а в силу талантов и реальных заслуг. Правительство теперь должно было заботиться, чтобы все главные науки преподавались, а профессора вели лекции в доступной и занимательной манере¹⁴.

Государство сможет добиться большего от работников науки, предложив им умеренные суммы денег и, как компенсацию, почести, преимущественно формальные. Мудрый министр справится с тружениками науки, играя на их тщеславии. Он окажет им «милостивый прием, уделив время для краткой беседы», и если тот или иной профессор окажется «в списке ближайшего окружения короля», это возымеет эффект значительно больше, нежели «трата больших сумм из казны на развитие науки». Кроме того, как и министры, люди науки нуждаются в определенной свободе. «Когда мы изучаем природу наук, как и историю образования всех времен и народов, мы обнаруживаем, что науки всегда росли, когда они [ученые] обладали разумной долей свободомыслия». В этом и заключается камералистско-капиталистическая стратегия¹⁵.

Рынок. В рамках возводимой правительством конструкции правопорядка камералисты и ученые-государственники призвали обособить инфраструктуру предпринимательской деятельности. Научное сообщество воспринималось наподобие горнодобывающей промышленности и наоборот. Камералисты выступали за культивирование академической свободы в рамках более широкого государственного надзора. Эта академическая свобода не основывалась на каких-либо романтических представлениях о научном сообществе как сфере культуры. Камералисты были мыслителями Просвещения, сиречь сухими прагматиками.

Помещение научного сообщества в рыночный контекст или, точнее говоря, культивирование риторики рынка в научном сообществе ни в коем случае не было самоочевидным. И прежде всего это было протестантским феноменом. Подобная коммодификация мира науки в конце концов проникла и в католические немецкие земли (а в XIX и XX веках распространилась и на «целый свет»). Но кое-кто все же сопротивлялся ей какое-то время. Например, австрийцы. Послушные ученики иезуитов, австрийцы поначалу оказывали поддержку радикальной рационализации академических практик, основанной целиком на меритократических началах. Таким иррациональным вещам, как слава, приносимая публикациями в весьма слабо контролируе-

¹⁴ [Justi 1755, 1: xiii–xiv, xxiii–xxiv, 235 f].

¹⁵ [Justi 1755, 1: 107; 1758, 2: 611 (о милостивом приеме); 1760–1761, 2: 47 ff, 67 f (о свободе мысли), 68 ff; 1782, 254 ff].

мом литературном мире — который камералисты воспринимали, по сути, как рынок, — не было места в академической меритократии¹⁶.

В последующих главах мы рассмотрим возникновение и характер рыночных проявлений в немецкой академической практике. Мы увидим, что рынок сумел втиснуться между домашним миром и работой. Он вызвал к жизни новую грань ученого, его новое «я». Назовем его «публичным я», оно должно было проявляться на службе, обозначать стремление к объективности, беспристрастности, безличности и общественному благу по контрасту с частными интересами. Напротив, место обитания «частного я» — дома, а потому оно способно выражать сугубо личные, сокровенные интересы. Рынок же породил нечто среднее — «частно-публичное я», что-то вроде третьего лица или коммерческого субъекта, исполненного внутренних противоречий и причудливых качеств, как и изрядной доли харизмы¹⁷.

Немецкие протестантские министерства требовали, чтобы представители научного мира добивались «аплодисментов» и славы — только тогда они могли продвинуться по карьерной лестнице в университете. Остается одной из величайших загадок истории, почему немецкие протестантские министерства, признавая академические почести и славу, решили не заниматься их производством. Эту функцию они передали не только экспертам или — и поныне таинственному — институту академического рецензирования, но и таким чисто рыночным инструментам, как периодическая печать критического толка, обсуждавшая это новое частно-публичное «я» ученого. В круговороте таких суждений и возникал новый тип академической харизмы.

Академическая харизма

Харизма представляет собой противовес идеям рационализации и расколдования мира. Понятие харизмы впервые предложено Вебером. Я кратко охарактеризую его, а затем на примере профессиональной харизмы поясню смысл и возможности этого понятия для обсуждения вопросов, рассматриваемых в данной книге.

Харизма по Веберу. Вебер никогда не писал о ней отдельных работ, однако понятие это появляется в его важнейших произведениях в ключевых местах. Что порождает ученые споры о теории харизмы Вебера и о том, существует ли таковая вообще —

¹⁶ О протестах католиков против коммодификации см. [Nicolai 1783–1796, 4: 682].

¹⁷ О подобных двойных ипостасях и т.д. ср. [Kantorowicz 1957; Boureau 1990, 145 ff].

противостоя множеству прочих вроде бы родственных понятий, возникавших с течением времени в самых разных контекстах и смысл обретавших даже противоположный. Поэтому я выделю наиболее броские особенности веберовского понятия харизмы, не пытаясь соотнести их с исследованиями на данную тему и не заботясь о том, насколько моя интерпретация отвечает общепринятой трактовке, а также более поздней традиции использования «харизмы» применительно к научному сообществу¹⁸.

Для понимания описываемого Вебером феномена харизмы наиболее важны веберовские труды по религии, а также политике и экономике. Согласно Веберу, в царстве религии харизма обладает явными признаками магии. Изначально харизматической религиозной фигурой был знахарь, чародей, а позднее священник и в особенности пророк, предвестник нового культа. Академическая харизма развивалась отчасти по этой же схеме — учитель выступал как интеллектуальный или духовный лидер. В сфере политики и экономики изначально харизматической фигурой был воин, затем полководец или король. Отчасти академическая харизма исходит и из данного топоса — агрессивной, враждебно-полемической модели академического знания, получившей развитие в средневековой Европе.

Харизматическая фигура прежде всего обладает властью. Власть колдуна — в его способности подчинять себе силы природы и человека. Современный ученый в этом сродни «волшебнику» из народных сказок — ему присущи те же элементы харизмы. Харизма других героев — спортсменов, актеров — менее прозрачна по происхождению. В целом же харизма личности ощущается тогда, когда эта личность оказывается успешным деятелем, предводителем, вождем на поле религиозном, боевом или любом ином. Таким образом, харизма возникает в определенном контексте и свойственна социальным отношениям. Группа людей приписывает какие-либо необычные способности или таланты отдельной личности. Так что эта личность обладает харизмой по отношению к своей группе, а члены группы становятся ее активными или пассивными учениками, последователями либо поклонниками.

Анализ исторической эволюции харизмы к традиции и рациональности встречается, пожалуй, лишь в веберовском описании «колдуна». Харизма здесь сводится преимущественно к магии и может быть свойственна, по-видимому, вполне орга-

¹⁸ См. [Weber 1976a, особ. 140–148, 654–681 (1956, особ. 140–148, 662–689); 1956, 555–558 (опущено в 1976a); 2001]. См. также [Parsons 1949, 564 ff, 661 ff; Alexander 1985, 3: 84–88, 183–185; Becker 1988; Breuer 1991, особ. 35–67, 215–221; Schluchter 1979, особ. 180 ff].

нично, как людям, так и предметам. В этом смысле харизма на-
поминает фетиш¹⁹.

В целом же Вебер считает, что харизма в полной мере свой-
ственна только людям. Когда она принимает форму вещей — та-
ких, например, как профессорское кресло, — предмет является
не фетишем, а лишь средством передачи харизмы, которая воз-
никает и распространяется всегда личностью или группой. При-
чем всегда и везде, в каждом обществе харизматический, тра-
диционный и рациональный авторитеты сложнейшим образом
переплетались. С точки зрения антропологической и историче-
ской первым типом авторитета является не харизматический,
а традиционный — грубо говоря, животный: потомки ведут себя
так или иначе, поскольку именно так вели себя их предки. Авто-
ритет же, основанный на харизме или рациональности, по от-
ношению к традиционному оказывается разрушительным, неся
с собой революционные перемены.

Если брать крайний случай, то харизматическая фигура появ-
ляется на сцене тогда, когда требуется противостоять традиции
либо ниспровергнуть ее. Иудейский пророк возвещает о новом
завете. Римский полководец ведет свою армию на Рим. Хариз-
матическая власть, как видим, сталкивается с дилеммой следу-
ющего поколения. Революция не остановится до тех пор, пока не
найдется способ передачи харизмы от лидера к последователям.
Выполнить такую передачу часто помогают особые слова, кровь,
титулы или посты. Так что для достижения стабильности хариз-
матическому авторитету приходится отчасти превратиться в
традиционный, что косвенным образом указывает на харизма-
тические корни традиционного авторитета — крепкие или едва
намеченные.

Рациональное разделяет с традиционным достоинство ста-
бильности. Рациональная власть или рационализация — напри-
мер, та, что воплощена в государственной бюрократии и управ-
ленческом капитализме, — способна изменить традиционное
общественное устройство, даже путем революции, но при этом
достичь относительной социальной стабильности. Рационали-
зация заменяет примитивные исторические, унаследованные
или же грубые образцы поведения другими; однако при этом
она может рационализировать и легитимировать их, апеллируя
к разуму: более «эффективно» или «продуктивно» или же более
«политически корректно» или просто более «рационально» ве-
сти себя таким образом, вместо того чтобы следовать тому, что
диктует традиция.

¹⁹ См. [Weber 2001, 122–124, 161, 177–194, 242].

По меньшей мере в Европе, историческое развитие со времен Средневековья все более опиралось на рациональный авторитет, оттесняя традиционный, а возможно, и харизматический. Тезис Вебера о расколдовании мира — с тех пор как после Средних веков в нем стала господствовать Европа — по сути, есть обратная сторона тезиса о победном шествии рационализации по Европе. Расколдование мира предполагает, что магия уже не играет в нем ключевой роли. И если харизма ассоциируется с магией, то следующий вывод будет тот, что в ходе истории харизматическое начало в современном обществе становилось все менее значимым. Однако и рациональность может быть харизматической. Эпоха Просвещения пригвоздила себя емкой характеристикой: «харизматическое преобразование “разума” (нашедшего свое ярчайшее выражение в апофеозе разума у Робеспьера) является последней формой, какую харизма приняла на своем роковом пути»²⁰.

В самом широком смысле харизма не магична, а просто противопоставляется повседневному, обычному, рутинному, мирскому, профанному. Харизматическая фигура же, как не раз упоминалось выше, распространяет вокруг себя нечто не-обычное. Появление такой фигуры, как Гитлер (или Робеспьер), указывает на то, что бюрократизированное общество поразительно легко может оказаться во власти харизмы демагога или тирана. Одна из целей данной книги — рассмотреть, до какой степени нам следует связывать возникновение романтического культа личности с университетом Нового времени, включая появление понятия академического или же научного «гения», с точки зрения веберовского харизматического преобразования разума²¹.

²⁰ Цит. по: [Weber 1976a, 726 (1956, 734)]. См. [Schluchter 1979, особ. 184 ff]; на с. 187 и последующих он проводит различие между рутинизацией (*Veralltäglichsung*) и кристаллизацией (*Versachlichung*) харизмы — первую связывая с ее структурными аспектами, вторую — с вопросами эволюции и исторического развития. Как он замечает, кристаллизация харизмы не обязательно влечет за собой ее обезличивание, как это обычно происходит в случае с рутинизацией; скорее же, кристаллизация указывает на передачу харизматической власти от изначальной фигуры к «виртуозам», чьи необычные власть и способности ее представляют.

²¹ См. [Weber 1976a [1921], 666 ff (1956, 674 ff)], в тексте не говорится именно о Гитлере, но отдельные умозаключения здесь многое проясняют в его фигуре; [1976a, 725 f (1956, 733 f)], цитата указывает на то, что, согласно Веберу, процессы, ведущие к «харизматическому преобразению разума» (*die charismatische Verklärung der Vernunft*), испытывали воздействие бюрократических и капиталистических интересов. Романтический культ гения символизирует подобное преобразование разума как раз потому, в пике Просвещению, что является формой разума без правил, который нельзя приобрести посредством упорядоченной практики, обучения или дисциплины. Гений — это дар.

Харизма профессора. Профессорскую харизму мы будем рассматривать обстоятельно. Исследовательский университет возникает в немецкой образовательной системе, отличной от подобной же системы, сложившейся, допустим, в Англии. Немецкий университет был университетом профессиональным; английский — коллегиальным, и профессора в нем играли роль довольно-таки ограниченную вплоть до XX века. В догерманский период Оксфорда и Кембриджа другие фигуры — такие как руководители школ (факультетов), тьюторы, члены научного общества, а позднее преподаватели — играли более важную роль, чем профессора, поскольку коллегиальный университет строился вокруг колледжей и их глав. В нашей книге мы обратимся к академической харизме как таковой. Но поскольку немецкий исследовательский университет неизбежно оказывается смежной сквозной темой, мы нередко будем упоминать и конкретных академических персонажей, определявших научно-образовательный ландшафт Германии.

В традиционном университете, о чем мы подробнее поговорим в последующих главах, профессор воплощал традиционный авторитет. Как упоминалось выше, профессором обычно становились во многом благодаря голосованию какого-либо комитета или иного избирательного органа. Голосование не было рациональным процессом — оно просто отражало закрепившуюся в некоторых обществах традицию именно таким способом достигать консенсуса и выражать волю той или иной группы. Результаты голосования могли более рассказать о комитете или колледже избирателей, нежели об избираемой персоне. Персона же лишь продолжала традиции группы и помогала ее воспроизводству.

В исследовательском университете в его изначальной, немецкой форме профессор должен был олицетворять собой рациональный авторитет. Профессоров назначало министерство. Официально решение основывалось не на голосовании, а на компетентном рассмотрении рекомендаций специалистов, собственной осведомленности в соответствующей области науки и знании профессиональной «поляны». В этом случае профессор становился выразителем интересов не столько группы, сколько системы, — и воспроизводил систему.

Но это еще не все. Целью книги является анализ харизмы, заключенной в традиционном университете, и, что важнее, харизмы, сохраненной и воссозданной исследовательским университетом. Основной тезис для нас таков: исследовательский университет, как и современный капитализм, достиг удивительного «динамического равновесия» (М. Нортон Вайз), культивируя харизматические фигуры в рамках более широкой сферы рационализации. И одним из аспектов такой динамической ста-

бильности является как раз та самая предпринимательская жилка внутри более общей бюрократической надстройки, о которой говорили камералисты²².

Однако вначале мы обратимся к традиционному университету, питавшему отвращение к харизматической личности. Харизма функционировала в целом для поддержания и подтверждения традиции и тем самым реализовала себя в основном как рутинизированная или же кристаллизовавшаяся харизма в виде профессорских одеяний, кафедры, книги, должности, титулов и т.п. Как мы увидим, профессора и лекторы традиционного университета обычно использовали те же учебники, что и их учителя, а те в свою очередь пользовались учебниками своих учителей и т.д. Иными словами, учебная программа сильно не менялась, во всяком случае официально. Когда же появились такие харизматичные личности, как Уильям Оккам или Рене Декарт, решительно взявшиеся за преобразования программы обучения, ее сакральная — каноничная — природа стала очевидной.

Как и литургия, академический или схоластический канон олицетворял кристаллизовавшуюся или рутинизированную харизму. Подвергнуть ее критике и достигнуть успеха означало стать героем науки и основателем нового канона. Как уже отмечалось, харизматическая личность приходит к успеху, приобретая последователей, устанавливающих новую традицию либо канон. Подвергнуть канон критике, не добившись при этом успеха, обычно означало стать еретиком либо в академическом, либо в буквальном смысле.

Как правило, традиционный университет явно враждебно реагировал на пророков или героев, отступавших от заданного сценария научной жизни, то есть от канона. Юридико-экклезиастический режим, рассмотренный выше, структурировал и конкретизировал харизму. Академические степени (такие как доктор медицины), академические звания (профессор истории) и академические должности (декан юридического факультета) передавали харизму своим носителям по подобию духовных орденов и рыцарского сословия. Сопряженные материальные практики касались профессорского кресла — кафедры. Она сообщала своему обладателю значимую долю харизмы, поскольку лишь немногие имели право заступать на

²² Отметим, что для Вебера могущество современного капитализма отчасти состоит в том, что оно наделяет себя и бюрократической, и харизматической властью: см. [Weber 1976a, 658 f (1956, 666 f)]. Что, перефразируя Маркса, делает привычку капитализма к разрушению традиционного социального порядка практически безудержной. Тезис о наличии харизматического внутри рационализованного берет начало в Кантовой теории свободы: независимость существует в рамках более широкой сферы (бюрократических) обязательств.

кафедру, пользоваться признанным авторитетом и обучать по каноническим текстам.

Словом, материализуясь в одеяниях, книгах, обстановке, званиях и т.д., харизма традиционного университета служила поддержке авторитета, сакрализуя традиции и отделяя группу служителей науки от других социальных групп. Традиционный университет сопротивлялся харизматической личности в пользу харизматического коллектива. И когда на сцене появлялся кто-то вроде Оккама либо Декарта, последствия их деятельности напоминали о былых успехах пророков или революционеров. Сила современного исследовательского университета заключается в его способности рационализировать и рутинизировать подобную пророческую либо революционную деятельность, тем самым делая равновесие динамичным.

Политико-экономическая матрица современного университета выхолостила большую часть харизмы, какой были наделены юридико-экклезиастические институты и менталитеты. Так, немецкие ученые к XVIII веку отбросили академические облачения и начали одеваться как представители буржуазии. Традиционный академический костюм надевали теперь лишь по торжественным случаям. Некоторые представители академического сообщества находят части учебной программы каноническими, и значит сакральными, и поныне; но во многих университетах отдельные лекторы начали вносить изменения в учебники практически на свое усмотрение еще в XVIII веке. Со временем лишь бюрократическая инерция оставалась на пути изменений учебного плана. В последующих главах мы рассмотрим, как сохранялись ученые степени и звания и что они стали означать в современном академическом мире. Отдельные должности — возьмем должность декана — могут быть окутаны изрядным харизматическим облаком и по сей день. Однако большая часть академической деятельности оказалась вытеснена бюрократической.

Наряду с отзвуками академической харизмы, унаследованными от традиционного университета, появлялись и новые ее типы, разъяснению которых будет посвящено несколько глав. Скажем, в немецких университетах профессора более не назначались путем коллегиального голосования, как не назначались они и в результате государственных экзаменов, что казалось бы логичным при полностью рационализованной меритократической системе. И мы уже упоминали роль рынка в жизни современного академического сообщества. Однако окончательное решение относительно назначений приняло руководство, начавшее трактовать данный процесс как процедуру «признания»: оно признаёт «подходящего человека» для той или иной должности.

Подобная идея о «подходящем человеке» стала принципиально новой для системы академических назначений, но восходит к представлениям о признании преемника харизматического лидера — процесса, также требующего харизмы. Кое-где — в том же Гарвардском университете — процедура эволюционировала настолько, что на позицию отбирают не просто подходящую, но «наилучшую», предположительно на всей земле, кандидатуру²³.

Академическая харизма в исследовательском университете присуща более индивидам, нежели коллективным, корпоративным, коллегиальным органам — что было бы скандально-невозможным в исследовательском университете, подчиненном традиционной харизме. Профессорское кресло и по сей день сообщает значительную часть традиционной харизмы своему обладателю. Все было бы просто, если бы дело действительно заключалось в кресле — скажем, Исаак Ньютон или Иммануил Кант сидели в каком-то определенном кресле, и их призрак или дух вселился именно в это самое кресло. Впрочем, одной из многих претензий к славе Стивена Хокинга стало как раз то, что он занимал «ньютоновское кресло»²⁴. Более того, ученый наращивает харизму не коллективно или коллегиально, а возглавляя институт или научный центр и реализуя в нем собственные исследовательские проекты. В последующих главах мы не раз обратим внимание на этот современный культ личности ученого.

Нарратив и калькуляция, ирония и ностальгия

Как подметил Жан-Франсуа Лиотар, «с самого начала наука конфликтовала с нарративами». Под «нарративами» он подразумевает устное повествование. Это заявление может означать также, что наука пытается превратить устный мир в визуальный. Обычно представляется, что современная наука и академическое знание подрывают устную культуру и нарративы. Согласно нашей веберианской терминологии, нарратив по преимуществу служит ресурсом либо инструментом традиционного автори-

²³ О различиях между харизматическим «признанием» и поисками «наиболее подходящего человека», с одной стороны, и ментальностью традиционного голосования — с другой, см. [Weber 1976a, 663 (1956, особ. 671); 1956, 556 f (опущено в 1976a, но наличествует в 1988a, в гл. 9)].

²⁴ Имеется в виду именная профессура Лукасовского профессора математики (Lucasian Professorship), которую Стивен Хокинг получил в Кембриджском университете. За трехсотлетнюю историю ее удостоились лишь 18 ученых: первым стал Исаак Ньютон в 1664 году, семнадцатым — Стивен Хокинг в 1979 году. Одна из наиболее известных в мире именных кафедр (математики). Учреждена (с должностью профессора с окладом 100 фунтов в год) в 1663 году преподобным Лукасом Генри, членом совета Кембриджского университета. — *Примеч. пер. и науч. ред. перевода.*

тета — инструментом, по отношению к которому современная рациональная власть, в силу комплекса обстоятельств, настроена довольно враждебно²⁵.

Далее мы увидим, что многие министерства при попытке рационализировать академический труд использовали — и весьма удачно — определенные «коэффициенты»: говоря проще, механизмы калькуляции. Так что современный академический и бюрократический мир весьма охотно прибегает к таким инструментам, как списки, таблицы, схемы, графики, карты и т.п. Эти приспособления для оценки и подсчета не только предоставляют инструментарий для рационализации труда и жизни, но и, кажется, вытесняют, подрывают или даже разрушают традиционные нарративы и устные культуры. В некоторых главах мы еще вернемся к вопросу о явной нетерпимости «человека калькулирующего» по отношению к «нарраторам».

Несмотря на характерную для современности враждебность к повествовательной, или устной, культуре, Хэйдэн Уайт видит в нарративе переменчивую и практически вездесущую силу, неотвратимое условие и тенденцию, проявляющуюся всегда и везде — в любых группах, включая современных исследователей, гуманитариев и естествоведов. Лиотар, возможно, утверждал бы то же самое по крайней мере применительно к «состоянию постмодерна», в котором нарратив играет важную роль для формирования социальных связей меж группами — расчетные приспособления, по всей видимости, на это не способны. Иными словами, даже радикальным рационализаторам свойственно рассказывать басни²⁶.

В этом свете в последующих главах мы кое-где — возможно, неожиданно — обратимся к таким «басням» и проблеме «разработки фабулы». Особое внимание я буду уделять тому, как министерские или академические инструменты вводят и поддерживают разделение общественного и частного «я». Но я постараюсь и показать, как другие министерские или академические приемы и механизмы приводят к такому же разделению, однако уже вследствие применения нарративов. Так, в главе 9 мы знакомимся с министерским протоколом, интерпретируя его как нарратив, подавляющий частное, домашнее «я» в угоду профессиональному, общественному «я».

Этот анализ, как и многие другие на этих страницах, будет полон иронии. Современная академическая система, судя по всему, не приемлет иронии почти в той же мере, что и нарратив. Для на-

²⁵ [Lyotard 1979, 7].

²⁶ [White 1981, 1]; см. также эссе в 1987 (включаящем 1981) и 1990. Лиотар отчасти восстановил значение нарратива [Lyotard 1988, 38 f].

шего же исследования мира ученых и их харизмы ирония и ностальгия играют фундаментальную роль. Будучи противоположными по духу, они нейтрализуют друг друга. Но у каждого своя цель, и я не могу отказаться от одного, не отказываясь от другого. Книга содержит критику того типа академической жизни, что дошел до нас от университетской системы Германии. Отчасти эта критика может объясняться смутной ностальгией по золотому веку университетской жизни. И не исключено, ностальгия эта — подпитываемая надеждой излечить недуги современного университета — выведет нас на форматы, прямо противостоящие германской системе. Впрочем, это — совсем другая тема и выходит за рамки книги, — хоть мы и стремимся представить здесь историю настоящего, но все же историю, а не руководство к действию. А потому к ностальгии следует отнестись с иронией.

Причин появления в нашей книге этого тропа — иронии — множество. Ирония выражает и скрывает отношения любви-ненависти, которыми связаны почти все главные объекты данного исследования: немцы и австрийцы, англичане и иезуиты, Просвещение и романтизм, рациональность и харизма, академическое сообщество и ваш покорный слуга. На продуктивность подобной амбивалентности обратил внимание Фрейд, и с тех пор она становится важной темой. К тому же ирония и сама по себе была важна для того времени и места, того, что мы анализируем наиболее пристально, — немецкого культурного пространства 1770–1830 годов²⁷.

Кроме того, хотя исследовательский этос и не приемлет иронии, для меня она — то главное стекло, сквозь которое я смотрю на академический мир, она-то и определяет суть и русло рефлексии. Не знаю, когда все стало обстоять именно так. Едва ли такое восприятие передал нам древнегреческий герой Академ, чье имя нам выпала честь носить. Но кто знает, быть может, оно восходит еще к методу Сократа²⁸.

Академический мир норовят попрекнуть коррупцией, и потому я завершу эту часть одним из любимых моих анекдотов. Он хорошо иллюстрирует образчики поведения и логики, с ко-

²⁷ Об иронии ср., например: [Hegel 1970, 13: 93–99]. Об этом же тропе см. также [Clark 2002]. Интересно о роли иронии писал и Фридрих Шлегель.

²⁸ Термин «академический» и его производные происходят от названия роци в Афинах, где преподавал Платон и где нашла себе место его школа, Академия. А роца была названа в честь Академа, героя, согласно легенде, рассказавшего близнецам Кастору и Полидевку (он же Поллукс) — Диоскурам, сыновьям Зевса — где Тезей, среди прочего убивший Минотавра, спрятал их сводную сестру, двенадцатилетнюю Елену Прекрасную. Тезей похитил ее, видимо, чтобы вступить с нею в брак, причем похищение это предшествовало более позднему, ставшему поводом для начала Троянской войны.

торами я донкихотски сражался несколько десятилетий кряду, в результате чего и родилось настоящее исследование с его иронией. В середине 1750-х годов австрийские элиты и ученые круги были уже по горло сыты властью иезуитов, утвердившихся на всех отмеченных значимостью постах. Посему императрица Мария-Терезия позволила министрам и ученым, не принадлежащим к этому ордену, принять управление делами культуры и образования Австрии. Однако, совершенно в духе нелюбимых ими иезуитов, австрийцы выдвинули собственный список запрещенных книг — *Catalogus Librorum rejeutorum per Consessum Censurae*. Он был опубликован в Вене в 1754 году.

Каталог ежегодно обновлялся и выпускался комиссией по цензуре с 1755 по 1757 год. Составление и публикация каталога запрещенных книг постепенно становились все более разветвленным процессом, ибо новые издания выходили параллельно с приложениями, дополнениями и переизданиями, каковые, в свою очередь, печатались не только непосредственно комиссией, но и частными издателями. В 1760-х и 1770-х годах различные издания каталога запретили работы Готтшеда, Лессинга, Мозера, Мендельсона, Виланда, Фосса и, разумеется, Гёте — его знаменитые «Страдания юного Вертера» тоже угодили в запретный список, который и сам затем стал популярным.

Нельзя с уверенностью утверждать, что попасть в австрийский каталог запрещенных книг стало своего рода делом чести. Однако и каталог этот, и множество его переизданий вызывали на издательском рынке ожесточенную конкуренцию. К тому же каталог давал возможность иным ученым и писателям обнаружить сотоварищей на сем демоническом поприще. Дело кончилось тем, что в 1777 году официальный австрийский каталог запрещенных книг «запретил» самого себя²⁹.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА

Выше мы упоминали элементы эмпирической базы исследования — это аспекты материальной культуры представителей науки, такие как «кафедры» (профессорские кресла) и книги; практики традиционного академического сообщества, такие как протоколы голосования; бюрократические инновации, такие как министерские обследования с целью выявления наиболее подходящих сотрудников; культ академической личности, озязаемый

²⁹ Подробнее см. [Houben 1965, 93 ff] — официальный каталог 1777 года содержал оговорку, предписывавшую если и не его запрет на существование, то невозможность его дальнейшей публикации. А потому начиная с 1777 года лишь немногие избранные могли видеть рукопись каталога.

в цитатах, институтах и проч. В этом разделе я дам несколько пояснений по поводу «этнографической» эмпирической базы.

Как уже отмечалось, основной акцент в работе — на Германии и ее землях, а иезуиты и британское академическое общество — удачные примеры для проведения сравнений и противопоставлений. По замыслу книги, иезуиты будут представлять наиболее радикальными рационализаторами, тогда как англичане по духу своему являются стойкими приверженцами традиций. Такой подбор исполнителей помещает немцев и весь германский народ в центр нашего повествования.

Англичане

В мое время ученые и монахи [в Оксфорде] были вполне благопристойными людьми, смиренно пользовавшимися дарами университетских основателей. Их дни протекали в череде монотонных обязанностей: богослужение, собрания в часовне и парадном зале, беседы в кофейной зале и преподавательской — пока наконец они не отходили от дел, утомленные и успокоенные, в долгое забытьё. Они не нагружали свою совесть изнурительным чтением и напряженными размышлениями или же писанием текстов, и первые победы познания и изобретательности чахли, не принося никаких плодов ни обладателям, ни обществу³⁰.

Вплоть до XIX века в Англии было лишь два университета — те самые, весьма известные, что расположены в Оксфорде и Кембридже и вместе прозванные «Оксбридж». Кто-то поспешно сочтет, что моя книга, пусть и с королевским достоинством, но все же посмеивается над Оксбриджем. Однако это не так: то, что кажется здесь высмеиванием, объясняется скорее ироническими попытками скрыть ностальгию. А последняя, безусловно, витает в Оксбридже — этом академическом «потерянном рае», а точнее утопии, вызванной к жизни воображением работников, скованных рутинной отчужденного труда. Академическая традиция Оксбриджа хоть и имеет давние корни, однако же в целом довольно бесславна. При этом, судя по всему, лишь немногие ученые отдают себе в этом отчет. Более того, они, пожалуй, даже убеждены в обратном и остаются в сем заблуждении даже во время визитов в Оксфорд или Кембридж: дружественно настроенные принимающие коллеги, наверняка владеющие местной историей, не торопятся разрушать иллюзии.

Почему та репутация, какой пользовался Оксбридж, была столь чрезмерно раздута, по существу незаслуженно, во всяком

³⁰ [Gibbon 1966, 52]. Выражаю благодарность Кэтрин Райс за данную ссылку.

случае между 1500 и 1900 годами? «К концу XVI века колледжи были наиболее яркой частью Оксфорда и Кембриджа скорее в архитектурном отношении. Посетители неизменно дивились на их размеры и величолепие». Впрочем, как и сегодня, — чаще всего из уст англоговорящих академических туристов слышно слово «чудной». (Я часто спрашиваю себя, как это будет на японском.) Колледжи все так же заняты, а вот их обитатели уже далеко не так необычны, как были когда-то. Как туристов привлекали в Баварию королевские замки Сумасшедшего Людвига, так и слава современного Оксфорда выросла благодаря туризму, и теперь Оксфорд с умением оборачивает себе на пользу нотки ностальгии по германским истокам современной академии³¹.

Оксфордский маркетинг в нынешнем понимании начался в конце XVII века. Простодушные британцы, возможно, не понимали, что творили. Немцы бы поняли. Три славные публикации появились в Оксфорде в 1674–1675 годах, чуть-чуть не поспев уложиться в *annus mirabilis*³². Первой стала *Historia et antiquitates oxoniensis* Энтони Вуда, второй — *Catalogus impressorum librorum bibliothecae bodleianae* Томаса Хайда, обе вышли в 1674 году. *Oxonia illustrata* Дэвида Логгана, описывавшая оксфордские колледжи во всей их причудливости, появилась третьей, в 1675 году³³.

На рис. 1.2, работы Логгана, изображен колледж *Corpus Christi* (Тела Христова). Неудачно разбивающая рисунок вертикальная линия прямо посередине возникла из-за того, что иллюстрация занимает целый разворот в и без того крупноформатном томе. Подобные строения выглядели в то время величественно и поражают своим величолепием сегодня. Если дело не в маркетинге, тогда каково же предназначение этого роскошного издания — просто институциональный нарциссизм? Публикация, однако, оказалась мудрым тактическим ходом, и Кембридж, второй университет классической пары, заказал Логгану схожую работу, которая вышла под названием *Cantabrigia illustrata* в 1694 году.

Историки Оксбриджа иногда цитируют Захариаса Конрада фон Уффенбаха, рассказывавшего о своей поездке в Оксфорд и Кембридж в 1710 году. Его путевые записки содержат много любопытного — такие особенности мог подметить лишь сторонний наблюдатель. Но поскольку тон записок не отличается хвалебностью, английская академическая культура, эта священная корова, вызывает одну только грусть. «В общем, я должен сооб-

³¹ [Curtis 1959, 35 (цитата)].

³² «Год чудес» (важных событий), в английской культуре чаще всего — 1666 год. — *Примеч. пер.*

³³ См. [Beddard 1997a, 846].

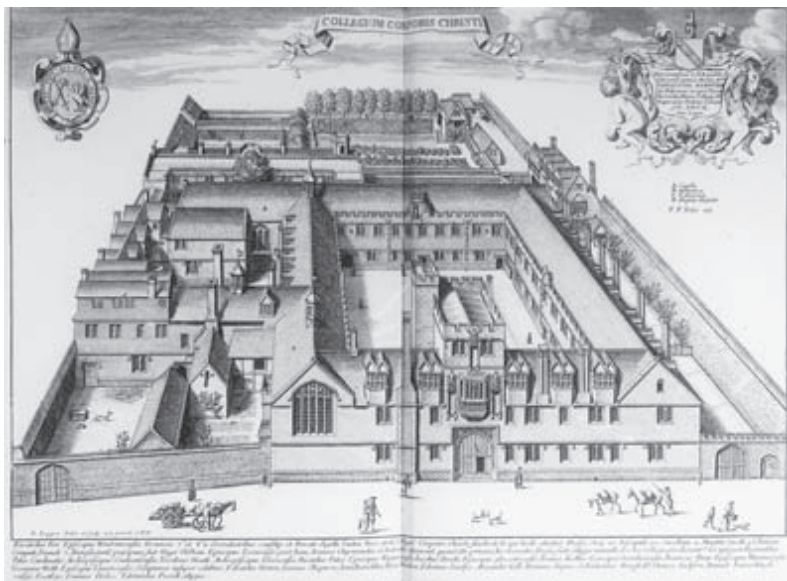

Рис. 1.2. Колледж Corpus Christi, Оксфорд, из: David Loggan, *Oxonia illustrata*, Oxford, 1675

щить о Кембридже, что само местечко не так уж и велико, к тому же бедно, будто какая-то деревенька... если бы по ней не были рассыпаны такие славные колледжи, это было бы самое жалкое место в мире. К тому же мало приспособленное для жилья». Оксфорд, пишет он далее, в действительности покрупнее, но, если не считать прекрасных колледжей, является лишь увеличенной копией Кембриджа³⁴.

А как же ученые, населявшие Оксбридж и образовывавшие самую крупную академическую популяцию того времени? В XX веке историк вторит приведенной выше презрительной оценке Гиббона, данной им в XVIII веке.

Об ученых XVIII века написано много, и большая часть сказанного свидетельствует не в их пользу. Они обвиняются в растрате своего времени и возможностей... Их можно упрекнуть не просто в недостаточных образованности или усердии. Слишком многие из них вели откровенно гедонистический образ жизни, особенно не заботясь о том, чтобы скрыть свои недостатки. В самом деле, кулинарные наслаждения занимали огромное место в их жизни, и даже в случае явных злоупотреблений они не торопились умерять аппетиты³⁵.

³⁴ [Uffenbach 1753–54, 3: 84 (цитата), 86 (об Оксфорде)].

³⁵ [Winstanley 1935, 256–257].

XVIII век обычно считается периодом упадка в истории как Кембриджа, так и Оксфорда. Вот только я подозреваю, что академики XVI и XVII веков здесь были ничуть не менее склонны к праздности и удовольствиям и ничуть не более — к преподаванию и научным изысканиям.

Так что англичане и Оксбридж были избраны в моей работе как символическое воплощение утраченного рая, своеобразного ностальгического фона для рационализаторских настроений, исходящих от иезуитов и немцев. В последующих главах нам предстоит убедиться, играл ли Оксбридж ту ультратрадиционалистскую роль, какую я отвел ему.

Иезуиты

«Если я вижу белый, я поверю, что это черный, если так определит церковная иерархия», — гласит Правило 13 «Духовных упражнений» Лойолы, возможно, одно из самых знаменитых изречений начала Нового времени. Пожалуй, совсем немногие светские представители науки испытывают ностальгию по иезуитству. Ибо иезуиты пользовались дурной славой. Зато они обладали некоторым поразительным сходством с английскими учеными³⁶.

На рис. 1.3 мы видим изображение иезуитской коллегии и церкви в Мюнхене работы Маттеуса Мериана. Меньше по размерам и более упорядоченная в своих пристройках, нежели оксфордский колледж Тела Христова, коллегия иезуитов являет собой тот же монастырский четырехугольник. Гость, посетивший мюнхенский колледж в 1644 году и до того немало путешествовавший, смело заявил (хоть и с некоторой долей преувеличения): «Из всех владений иезуитов по всему миру этот колледж великолепнее всего!». Вплоть до XIX века лишь немногие учебные заведения Германии могли с ним соперничать³⁷.

Одно время иезуиты наводнили всю академическую Европу. Но в 1762 году их изгнали из Франции, в 1767 году — из Испании, а в 1773 году папа римский на 40 лет упразднил орден. До этих событий иезуиты если и не управляли образовательной системой католической Европы начала Нового времени, то уж точно в ней доминировали. К 1700 году у них было свыше 700 высших учебных заведений, из них более 200 в Центральной Европе. В католических землях Германии, вплоть до папского указа 1773 года, иезуиты контролировали почти все. Лишь в Эрфурте

³⁶ Лойола в Обществе Иисуса: [Society of Jesus 1919, 1: 557] (перевод с оригинала). Устав см. [Society of Jesus 1934–1938, 3: 137 f, 157 f, 223 ff, 242 ff, 254, 262 ff, 270 ff]; подробнее см. [Knowles 1966, 61 ff].

³⁷ [Fröhlich 1644, 1/3: 289].

и Зальцбурге немецкие католические университеты оставались свободными от их влияния. Там же, где иезуиты появлялись, они постепенно подчиняли себе факультеты теологии, философии, гуманитарных (и естественных) наук — не занимались они только правом и медициной. Несмотря на определенное сопротивление протестантов и остальных, иезуиты контролировали весь академический мир до 1773 года³⁸.

Как и англичане, иезуиты строили свою академическую систему вокруг колледжей — они располагались в строениях наподобие того, что изображено на рис. 1.3, но обычно не столь помпезных. Как и их коллеги из английских колледжей, иезуитские наставники сохраняли целибат и в целом вели образ жизни духовного лица. Типичный ученый обитатель Оксбриджа, если только он не был безнадежным халтурщиком или же беззаветным служителем науки, рано или поздно принимал сан викария или становился пастором. И в этом смысле ученая братия выступала представителем англиканского государственного аппарата — этого секулярно-клерикального оплота английского государства — в сельской местности.

Иезуиты следовали подобным же курсом, решая задачи клерикальной государственной службы, но более радикально. Вебер писал:

Монах, образцовая религиозная личность, был также первым, кто подчинял свою жизнь законам методичности, упорядочивал свое время, постоянно контролировал себя, отбрасывал все спонтанные увеселения во имя долга. Таким образом, он стал первым профессионалом, и в качестве такового ему, конечно, суждено было стать главным проводником бюрократической централизации и рационализации³⁹.

Иезуиты были «последним словом, верхом в организации» монашеских или «регулярных» и немонашеских религиозных орденов, возникших в Средние века, — бенедиктинцев, клянийцев, цистерцианцев, августинцев, госпитальеров, тамплиеров, францисканцев и доминиканцев. Иезуиты появились позже, в XVI веке. Они служили орудием и ударным войском католической Контрреформации в борьбе с протестантской Реформацией⁴⁰.

³⁸ См. [Duhr 1907–1928; Hengst 1981; Harris 1989; Heilbron 1982, 93–106]; и множество статей в [Ridder-Symoens (ed.) 1996].

³⁹ [Weber 1976a, 699 (1956, 707)]; об отношении образованных слоев и министров к религии см. [Weber 1988b, 1: особ. 84 ff, 395 ff; 2: 162 ff; 3: 186 ff]. Ср. [Le Goff 1977, 29 ff, 48].

⁴⁰ [Knowles 1966, 62 (цитата)].

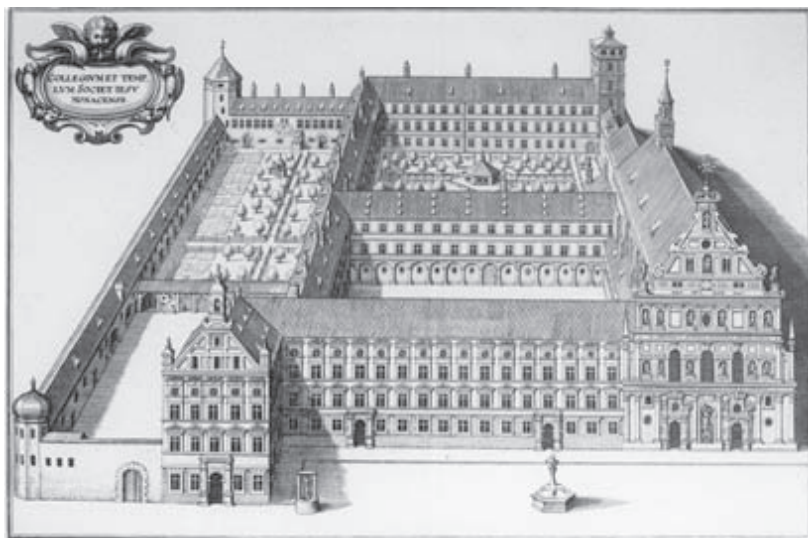

Рис. 1.3. Иезуитская коллегия, Мюнхен, из: Matthäus Merian, *Topographia Germaniae*

Как отмечал Дэвид Ноулз, «в традиционном монашестве все послушники принимались в члены однородного сообщества... ни в коем случае там не было олигархии таланта», пока не появились иезуиты. Как мы увидим, понятие меритократии возникло не в традиционном академическом сообществе. Даже в протестантских землях чиновникам и камералистам приходилось навязывать неуступчивым ученым представления о возможности руководствоваться реальными заслугами при принятии решений о назначениях и карьерном росте. Иезуиты, в сущности, помогли внедрить бюрократическое понятие меритократии в академические круги. В нашей книге они играют роль архирационализаторов⁴¹.

Не случайно большинство наиболее дотошных попыток бюрократизации академического труда было осуществлено в католических землях с иезуитским прошлым — Австрии и Франции. «Бюрократический дух является совершенно иезуитским... духом. Бюрократы суть иезуиты государства, государственные теологи... Бюрократия является кругом, из которого никто не сможет вырваться. Ее иерархия есть *иерархия знания*»⁴².

⁴¹ [Knowles 1966, 62].

⁴² Маркс в [Marx, Engels 1970—..., I/2: 50 f]. Об Австрии здесь и далее; о Франции см. эпилог.

Немцы

Немцы, в особенности протестанты, следовали срединным путем, *via media*, меж англичанами, придерживавшимися традиционных академических нравов, и иезуитами, проповедниками радикальной рационализации академического сообщества. Я даю подобную характеристику не потому, что хочу заявить, будто путь, избранный немецкими протестантами, так или иначе оказался наиболее разумным. Напротив, как уже отмечалось, основная масса критики, явной и неявной, обрушится в книге как раз на этот промежуточный путь, который и привел к созданию «германского» исследовательского университета. Подобной формулировкой я стараюсь обозначить ключевые для нас вопросы предельно четко.

Под немецкими землями, которые я буду называть также «германиями», подразумевается не имеющее четких границ социокультурное пространство в Центральной Европе, где доминировал немецкий язык. Оно еще не стало политической общностью, впоследствии, после 1871 года, образовавшей Германию, или Второй рейх. До появления Второго рейха, и особенно до XIX века, политический ландшафт Центральной Европы был самым неоднородным во всей Европе. Здесь встречались части, по величине равные странам или даже империям — Австрия, Бавария, Бранденбург-Пруссия. Другие, такие как Кантон-Базель, Вольный Имперский город Франкфурт-на-Майне, а также когда-то Вольный Имперский город Страсбург — были маленькими городами-государствами.

Все эти территориальные образования я и буду называть «германиями». Иногда для разнообразия буду говорить «австро-германские» или «немецкие земли». Этим терминам тоже недостает точности, поскольку к концу позднего Средневековья швейцарские провинции, где говорили на немецком языке, уже не были частью тех земель. Для ориентира можно было бы обратиться к границам немецкой нации в пределах Священной римской империи (*Reich*), этого старого территориально-политического образования, куда входило большинство немецких земель, пока Наполеон не положил ему конец в 1806 году. Проблема с «Империей» или «Первым рейхом» состоит в том, что, например, немецкоговорящий кантон Базель в нее не входил, чешские Прага и Богемия входили, а немецкий Кёнигсберг и Пруссия — опять не входили, и т.д. От этого и строка из «Фауста» Гёте: «Всея Римскою империей священной Мы долго

устоим ли во вселенной?» (*Das liebe heil'ge Röm'sche Reich, / Wie hält's nur noch zusammen?*)⁴³.

Благодаря такому хаотическому расположению «германии» сформировали единственное в Европе крупное культурно-языковое пространство, массово включавшее обе основные христианские конфессии ранней современности — католицизм и протестантизм, представленные в основном евангелической и реформированной церковью, то есть лютеранством и кальвинизмом. Конфессиональные различия дополнялись разветвляющимися академическими различиями. Что и делает «германии» особенно актуальным объектом исследования, не считая того, что на их земле зародился исследовательский университет.

Немецкое культурное пространство — этот край ученых с конца Средневековья до наступления Нового времени — просто наводняли университеты. В приложении 6 приводится список релевантных для нас (и также нескольких нерелевантных) университетов. Многие из них мы будем упоминать в последующих главах. Отдельные заведения пройдут сквозной нитью через все исследование.

Английские и немецкие университеты начала Нового времени демонстрируют примеры академически (теоретически) возможного тогда в Европе, что дает нам еще одно основание для решения включить Оксбридж в анализ. Английские и немецкие академические модели воплощают своего рода полярные противоположности. Если понять эти две главные академические системы, то можно будет расположить почти все остальные — хотя и не все — университеты раннего Нового времени в определенном диапазоне между ними.

И вот почему. Историки университетов обычно выделяют две средневековые модели, на основе которых развивались другие европейские университеты: модель Болонского университета и модель Парижского университета. Расположенный к северу от Альп Парижский университет оказался наиболее влиятельным. К 1500 году Франция насчитывала около 16 небольших университетов в провинциях и один громадный университет в Париже, объединявший 68 колледжей. Англия и «германии» преследовали иные, по сравнению с парижско-французской моделью, цели. К 1500 году в Англии было лишь 2 университета, Оксфорд и Кембридж, в которых насчитывалось примерно 22 колледжа, не считая монашеских. В немецких же землях было около 17 университетов (а к 1800 году их стало гораздо больше), в основном

⁴³ О германских землях Нового времени (начала и конца эпохи) см. [Holborn 1959; 1964].

небольших, при этом каждый состоял лишь из одного, двух или нескольких колледжей⁴⁴.

Английские Кембридж и Оксфорд в начале Нового времени стали опираться на колледжи, тогда как немецкие или, точнее будет сказать, протестантские университеты ориентировались на факультеты. В Средние века и раннее Новое время существовало всего четыре основных профиля факультетов: теология, юриспруденция или право, медицина и, наконец, философия, включавшая, по существу, и естественные науки. В немецких университетах один или два колледжа в каждом университете так или иначе выполняли функцию факультета искусств и философии (или естественных наук).

В немецких университетах настоящей властью были наделены факультеты и их органы управления, такие как ученый совет. Тогда как в Оксбридже административные органы опирались, скорее, на глав колледжей. В Оксбридже колледжи объединяли магистров, докторов и младших сотрудников. Немецкие факультеты — профессоров и лекторов. Иезуитские колледжи и университеты являли собой странную смесь коллегиального и профессорского университета, но в целом более походили на протестантский Оксбридж. Иными словами, Реформация весьма по-разному отразилась на академической системе Англии и «германий», поскольку английская система оказалась наиболее близка католичеству.

Современный исследовательский университет вырос из факультетов немецких профессоров-протестантов. А вот североамериканская система, к примеру, первоначально строилась по модели оксбриджских колледжей. Она начала перенимать опыт немецкого профессорского университета во второй половине XIX века. В американских университетах бакалавриат в основном повторял модель колледжей Оксбриджа, тогда как на последующих уровнях образования (в магистратуре) возникла надстройка по принципу немецких факультетов или кафедр. После 1870-х годов в магистратуре нового типа стали культивироваться исследования, бакалаврские же колледжи по-прежнему выполняли традиционную педагогическую миссию.

⁴⁴ Сравнительный анализ французских и английских университетов см. в работах: [Rashdall 1936, 1: 370 ff, 497 ff; 3: 169 ff, 293 ff; Cobban 1975, 123 f, 129, 133 ff; Glorieux 1959; Gabriel 1953; 1961, 94 f; 1969]. Безусловно, можно было бы предложить Францию в качестве самостоятельного объекта исследования, раз именно на ее земле зародились обе разновидности университетов; однако дальнейшее влияние иезуитов во Франции вносит сюда неразбериху. Что до развития событий в Италии, то они представляют собой совершенно особый случай, не оказавший заметного институционального влияния на дела Европы к северу от Альп.

Столкнувшись с моделью немецкого исследовательского университета, Оксбридж начал меняться, а в 1890-х то же самое коснулось французов.

Немецкий исследовательский университет обрел свою каноническую форму к 1830-м годам прежде всего на территории, которая впоследствии станет Вторым рейхом. Затем он распространился на другие немецкоговорящие земли, а в первой половине XIX века еще дальше, на северные, восточные и южные части Европы — в Скандинавию, Россию и Грецию. Во второй половине XIX века модель немецкого исследовательского университета захватила академическое пространство Соединенных Штатов, Великобритании, а к концу века — и Франции⁴⁵.

XIX век стал свидетелем второго этапа европейского колониализма. Части света, которых прежде практически не задело влияние Европы — Африка и Азия, — теперь оказались во власти новых европейских технологий — военных, медицинских, промышленных. Распространение европейской науки и культуры на эти континенты едва ли происходило вследствие их философской или теологической привлекательности. Оно объяснялось, скорее, прямолинейной мощью новейших европейских военных и сопряженных с тем технологий. Средством распространения европейской науки и ученых по всему миру стала модель немецкого исследовательского университета, каковая и стала окончательной, скрытой и оттого наиболее коварной фазой европейского колониализма⁴⁶. При написании книги не осталась без внимания и эта тема.

СТРУКТУРА КНИГИ

Книга состоит из двух неравных частей. В первой части рассматриваются основные процессы и последствия рационализации академической жизни и труда. Во второй — анализируются встречающиеся тенденции и исключения из правил.

Первая часть сфокусирована на том, как в определении академического труда и харизмы все более важную роль начинали играть их видимые, явно считываемые проявления. Попросту говоря, речь о том, как глаз восторжествовал над ухом. Судя по всему, относительно того, что события развивались именно так, уже сложился определенный консенсус. Разногласия остаются лишь в рамках вопроса, когда это случилось и до какой степени. Во избежание обширной полемики о хронологическом контексте описываемых событий, в нашей работе будет охвачен про-

⁴⁵ Подробнее обо всем этом см. в эпилоге.

⁴⁶ О европейской технологии и империализме см. [Headrick 1981; McNeill 1984].

должительный период времени. Вопрос же, до какой степени «глаз» потеснил «ухо», рассматривается во второй части книги.

В первой части, однако, речь пойдет о постепенном процессе, в ходе которого видимое, особенно различные формы записей и письменного документирования преодолели и, в значительной мере, вытеснили традиционную устную культуру академической жизни. Рационализация немецкого научного сообщества, осуществленная правительством и рынком, предполагала замену устного общения письменной речью. Академическая харизма теперь формировалась посредством публикаций и письменных рецензий экспертов и коллег, вместо старомодных академических устных диспутов, бездоказательных измышлений и провинциальных пересудов.

Первая часть включает главы 2–8. Главы 2 и 3 продолжают в духе предисловия, тогда как в главах 4–8 рассматриваются основные аспекты нового академического режима, характерные для исследовательского университета: письменные экзамены для студентов с системой выставления оценок, курсовые — для магистрантов или аспирантов, докторские диссертации в качестве обряда посвящения в профессиональную академическую жизнь, принцип «публикуйся или проваливай» (сгинь, исчезни) для назначений на профессорские должности и, наконец, создание библиотечных каталогов, фиксирующих все эти публикации и позволяющих выстраивать систему цитирования.

Устная академическая культура так или иначе упоминается почти во всех главах, но обычно вскользь или по остаточному принципу — как рубеж, за которым пошло скрупулезное возделывание современной модели харизмы в письменной форме. Вторая часть книги (главы 9–11) как раз и обращается к подобным остаткам устной академической культуры. В этих главах рассматривается в том числе то, способствовала ли ориентация на рынок сохранению форматов, основанных на говорении и восприятии устной речи за слух. Академическая харизма определенно не избавилась от голоса вовсе: отдельные виды шумов и интонаций сохранили свое воздействие на нее. Темы нарратива, репутации и голоса, время от времени всплывающие в первой части книги, более подробно будут рассмотрены во второй части.

Наконец, в эпилоге мы вернемся к отдельным мотивам сего пролога. По большей части в описательной манере и опираясь преимущественно на современные вторичные источники, мы расскажем о консолидации немецкого исследовательского университета в XIX веке и его распространении.

Часть I

ТРАДИЦИЯ,
РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ,
ХАРИЗМА:
О ГОСПОДСТВЕ АВТОРА
И ЧИТАЕМОГО

Кларк, У.

К47 Академическая харизма и истоки исследовательского университета [Текст] / пер. с англ.; под науч. ред. М. Добряковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. — 736 с. — (Библиотека журнала «Вопросы образования»). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1219-7 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-1665-2 (e-book).

Прослеживая трансформацию ученых эпохи раннего Нового времени в современных исследователей, автор использует историю университета и веберовскую идею «протестантской этики» для того, чтобы предложить новый взгляд на условия производства знаний в современном мире. Кларк утверждает, что исследовательский университет, зародившийся в землях протестантской Германии и распространившийся по всему миру в XIX–XX столетиях, возник в ответ на требования рынка и бюрократии, породив новый тип ученого, целью которого были оригинальность научных исследований и достижение славы посредством публикаций. Автор рассматривает происхождение и эволюцию неотъемлемых составляющих академической жизни: каталога курсов лекций, библиотечного каталога, системы оценок, проведения устных и письменных экзаменов, роли беседы и письменных работ в семинарах, написания и устной защиты докторской диссертации, рецензий и слухов.

Эту масштабную книгу обязательно должен прочесть каждый ученый.

УДК 378
ББК 74.58

Научное издание

Библиотека журнала «Вопросы образования»

УИЛЬЯМ КЛАРК

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ХАРИЗМА
И ИСТОКИ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Главный редактор

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией

ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор

ИРИНА ОСТАЩЕНКО

Художник

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка

СВЕТЛАНА РОДИОНОВА

Корректор

ЕЛЕНА АНДРЕЕВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285

Формат 70 × 100/16. Гарнитура PT Serif

Усл. печ. л. 59,8. Уч.-изд. л. 42,9

Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Изд. № 1809. Заказ №

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»

428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13

Тел.: (8352) 56-00-23